

Счастье, какое оно?

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

КОРОЛЕВА ТАМАРА

Тамара Королёва

Простая история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400357

ISBN 9785447474881

Аннотация

Эта история началась в конце прошлого века. В одном из родильных домов родились три младенца. Волею судьбы их матери оказались в одной палате. Такие разные: студентка Анечка, медсестра Валентина и актриса Валерия Грановская. Но их объединяет одно – они хотят счастья. Тогда в далеком восемьдесят третьем году никто из них не мог предположить, что жизни их переплетутся и завяжутся в тугой узел. Какие веселые и трагические события соединят их? Через что придётся пройти? Найдут ли они свое счастье?

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	31
Глава 3	67
Глава 4	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Простая история Тамара Королёва

© Тамара Королёва, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта история началась в конце прошлого века. В одном из их родильных домов, тогда еще Ленинградском, родились три младенца. Волею судьбы их матери оказались в одной палате. На первый взгляд такие разные: студентка Анечка, медсестра Валентина и актриса Валерия Грановская. Но их объединяет одно, они хотят счастья.

Счастье, какое оно? Для Леры – это положение в обществе, деньги. Для Валентины – ее долгожданное дитя, для Ани – любовь. Тогда в далеком восьмьдесят третьем году никто из них не мог предположить, что жизни их переплетутся и завяжутся в тугой узел. Какие веселые и трагические события соединят их? Через что придется пройти? Как много им предстоит пережить вместе? И найдут ли они свое счастье?

Королёва Т. И., 2015

Посвящается моей маме

Девочка плачет шарик улетел, Её утешают, а шарик летит. Девушка плачет, жениха всё нет, Её утешают, а шарик летит. Плачет старуха, мало пожила, А шарик

вернулся, а он голубой

Булат Окуджава

Предисловие

Я стою на пешеходном переходе и считаю полоски. Сколько их? Сбиваюсь.

Вот опять загорелся зеленый. Я стою, меня задевают. Люди спешат.

Где-то посередине они встречаются на мгновение и расходятся, им – в противоположные стороны.

Я не могу перейти улицу. В моей голове застряла одна мысль: «Пока я на этой стороне – мы вместе. Перейду, мы уже никогда не встретимся. Глупо».

Опять зеленый. Я стою. Надо бежать. Сделать хоть что-нибудь.

Бегу, но не туда, где горит зеленый свет. Я бегу в противоположную сторону.

Недолго, всего несколько минут, но сердце колотится в голове.

Правильно, лучше пусть оно будет там, потому что разум говорит мне: вернись и перейди на другую сторону, сядь в автобус и уезжай из этого города. Навсегда.

Уходи, кричит он. Но сердце, сердце колотится, и разум сдаётся. Я открываю дверь парадной, по лестнице поднимаюсь очень медленно, сердце стучит еще сильнее.

Я звоню в дверь квартиры, из которой ушла полчаса назад. Никто не открывает. Знаю, он за дверью. Нас разделя-

ют какие-то сантиметры. Кажется, я слышу его дыхание.

Открой дверь. Сердце – где-то в горле. Мне надо тебе сказать. Ты должен услышать меня. Я люблю тебя, я умру без тебя.

Я найду слова. Только открой дверь, дай мне сказать. За дверью тишина.

Там никого нет.

Я стою на пешеходном переходе. Загорелся зеленый, я перешла на другую сторону. Я перешла улицу.

16 августа

Соня перечитывала строки дневника. Прошло два года. Его уже нет. Но память. Разве только память?

Глава 1

Все началось в обычном ленинградском роддоме много лет назад.

– Ну еще немного, ты уж постарайся, моя хорошая, – приговаривала акушерка. Аня видела только ее серые глаза, выглядывающие из-под маски, и слышала ее грудной голос.

Ане повезло, акушерка была пожилая и добрая. А то в палате таких ужасов наслушалась, что хоть обратно домой. Но обратно нельзя, ребенок настойчиво просился наружу. Сил не было.

– Ну что? Будем усыплять, – голос врача прозвучал решительно.

– Нет, усыплять не надо. Я боюсь. Это был аргумент.

– Тогда рожай.

Боль разрежала все тело снизу доверху, Анна набрала побольше воздуха в легкие и выдохнула все до последней капельки.

Раздался крик ребенка. На мгновение ей показалось, что сознание отключилось, но голос акушерки вернул ее в действительность.

– Вот и умница, смотри, какой малыш. Чудо. – В руках она держала что-то сморщенное и сиреневое.

– Это мальчик или девочка?

– Девочка. Очень хорошая девочка.

– Спасибо, – еле слышно произнесла Аня.

Все остальное происходило как в тумане. Радость, боль – все перемешалось. Хотелось просто лежать и не двигаться.

Ближе к вечеру Анну привезли в палату. Палата на первом этаже, кровать напротив окна, оно выходило во внутренний двор больницы. Еще две кровати были пустые. Аня закрыла глаза, ей казалось, она уснет мгновенно, сил не было даже пошевелить пальцем.

Стук. Девушка с трудом открыла глаза. За окном стояла бабуля, она плакала. Аня махнула ей рукой и одними губами произнесла: «Девочка, у меня девочка родилась». И тоже заплакала.

Двери палаты открылись, привезли еще одну счастливицу.

– Это что за посетители? – возмущенно произнесла медсестра и задернула штору. – Нигде от них покоя нет. А вы отдыхайте, наговоритесь еще и набегаетесь. Моментом пользуйтесь. – И она вышла.

– Тебя как зовут? – спросила вновь прибывшая.

– Аня. А вас?

– А меня Валентина, – голос у женщины был низкий, бархатный, черты лица крупные, темные волосы заплетены в косу. – Давай на ты. Вроде я не такая уж и старая, хотя и не молоденькая. У них, – Валентина махнула в сторону дверей, – я прохожу как старородящая первородка. У тебя кто?

– Девочка.

– И у меня девочка, София, Сонька.

– А я еще не назвала. Все думали, что мальчик родится, а я девочку хотела.

Аня хотела еще что-то сказать, но дверь в палату вновь открылась.

На каталке лежала женщина, она плакала. Ее перенесли на кровать, она свернулась калачиком и сразу отвернулась к стене, продолжая тихо плакать.

Валентина первой нарушила молчание.

– Случилось что? – обратилась она к новенькой.

Ответом были рыдания.

– Надо сестру вызывать, пусть ей что-нибудь кольнут.

– Не надо сестру, мне уже дали успокоительное. – Женщина всхлипнула и повернулась в сторону соседок. – У меня ребенок почти умер. – И опять зарыдала.

Женщины притихли.

Аня взглянула на соседку. Надо что-то сказать, но как назло в голове было пусто.

Тяжело вздохнув, Валентина встала и подошла к рыдающей. Присела на краешек кровати и стала гладить женщину по спине, приговаривая своим бархатным голосом:

– Все будет хорошо, все наладится, малыш вырастет здоровым и счастливым.

Рыдания постепенно стали тише, перешли во всхлипы

и совсем затихли.

– Кажется, заснула. Давай и мы, Анюта, спать. Но Анюта ее уже не слышала, она спала.

Утро началось в шесть. В палату въехала тележка, в пластиковых корытцах лежали младенцы. Медсестра бодрым голосом стала называть номера:

– Семьдесят пять пятьдесят четыре. Чья?

– Моя, кажется. – Аня заволновалась так сильно, что никак не могла рассмотреть цифры на своей бирке.

– Держи.

Девушка смотрела на маленький, туго спеленатый комочек. Сморщенное личико лилово-сиреневого цвета, глазки закрыты, крошечный носик и ротик. Маленький человечек – это ее дочь.

В углу Валентина ворковала со своей крохой. Соседка напротив лежала, отвернувшись к стене, ей ребенка не принесли. Так толком и не покормив, Аня отдала дочку медсестре. У Валентины ребенка отбирали почти силком.

– Ну что за изверги такие, мать с дитем разлучать.

– А почему их по номерам выдают? Как в концлагере, – неожиданно произнесла соседка.

Она лежала вполоборота, и ее вопрос был обращен в никуда, взгляд блуждал по противоположной стене.

Валентина и Аня одновременно повернулись в сторону неожиданной соседки. Наконец они могли ее рассмотреть.

Белокурые волосы, нежное личико, большие серые глаза. И необыкновенный голос, такой голос, наверное, у ангелов.

Аня подумала, что его можно слушать и слушать и уже не важно, что говорит и о чем тот, кому он принадлежит. Голос звучал как волшебная мелодия. Аня посмотрела на Валентину, та так же заворуженно смотрела на соседку.

Можно было только догадываться, о чем думала Валентина, глядя на это неземное создание. Как жесток мир, что такие ангелы на земле должны переносить такие земные муки.

– Меня Лера зовут, а вас как? – Женщина встала с кровати и взяла со стула нежно-розовый пеньюар.

Только сейчас Аня обратила внимание, что и рубашка, в которую была одета женщина, не больничная, как у них с Валентиной, а шелковая с кружевом.

Женщины молчали.

Лера вопросительно посмотрела сначала на одну, потом на другую. Первой из оцепенения вышла Валентина:

– Валя.

– Аня.

– Доброе утро, Валя и Аня. Я пошла умываться и наносить утренний макияж, ко мне муж должен скоро прийти. – Она мило улыбнулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

– Вот это женщина, – то ли восхищенно, то ли удивленно произнесла Валентина. – У нее с ребенком неизвестно что, а она – про утренний макияж.

– Может, у нее родовая горячка? Я что-то об этом читала, правда, не помню, в чем она выражается.

Но их рассуждения были прерваны: в палату вошла медсестра.

– Где? – Она кивнула в сторону пустой кровати.

– Пошла макияж наносить, – с легкой иронией ответила Валентина.

– Понятно. Ну как нанесет, пусть в кабинет в конце коридора зайдет. Ее там ждут.

Через полчаса в палату всплыло нежно-розовое облако – Лера с огромным букетом роз и с сияющей улыбкой.

– Все в порядке, ребенок в детской больнице, через неделю смогу увидеть, а пока сказали отдыхать.

Лера потянулась и прилегла на кровать с мечтательно-безмятежной улыбкой на лице.

– Лера, – немногосмущенно произнесла Валентина, – ты бы букет отдала кому-нибудь из медсестер, а то скоро детей кормить принесут, вдруг аллергия?

– Валюша, ну какая аллергия от роз? Мне их каждый день поклонники тоннами дарят, и никакой аллергии. А кстати, кем вы работаете? – Соседка неожиданно перешла на вы, и в ее нежном голоске появились металлические нотки.

– Я медработник. А что?

– А-а, понятно, – протянула Лера

– Что тебе понятно? – Глаза у Валентины стали цвета южной безлунной ночи.

В воздухе запахло скандалом.

Аня беспомощно смотрела то на одну, то на другую. Но Лера вдруг легко вскочила с кровати, на ее лице опять засияла ангельская улыбка, букет был опять у нее в руках, и уже в дверях, глядя на Валентину она произнесла:

– Я просто хотела сказать, какая у вас нужная профессия, Валя, жаль только, что цветы вам не дарят. – Она готова была скрыться за дверью. Но голос Валентины остановил ее:

– А ты сама-то кто будешь? Что тебе букеты тоннами дарят?

– Я? Актриса. – Дверь захлопнулась.

– Актриса. – Валентина посмотрела на Аню, которая сидела на кровати, прижав колени к подбородку и сцепив руки вокруг ног. – Ох, чуёт мое сердце – натерпимся мы, Анюта, с этой артисткой из погорелого театра.

Какая она все-таки красивая и такая необыкновенная. Хоть немножечко быть бы похожей на нее... – Аня мечтательно посмотрела вверх.

С потолка свисала лампочка на шнуре, без плафона.

Надо же, а вчера она этого даже не заметила. Взгляд девушки опять затуманился, мыслями Аня улетела уже очень далеко из больничной палаты.

На землю ее вернул низкий грудной голос соседки:

– Давай и мы, что ли, макияж сделаем, скоро и наши мужики потянутся...

Аня открыла дверь с картинкой «Душ». В нос ударил за-

пах хлорки и общественного туалета, серые стены, зеленые дверцы кабинок. И среди этого угрюмого пейзажа на подоконнике сидела Лера. Она курила в приоткрытую форточку. Легкий поворот головы в сторону вошедшей, безучастный взгляд скользнул по Ане.

– Курить будешь? – Женщина протянула пачку сигарет. Аня машинально отметила – «ВТ».

– Нет, я бросила. Как узнала, что беременна, сразу все выбросила.

Лера улыбнулась, а сигареты исчезли в складках пеньюара.

– Тебе лет-то сколько, мамочка?

– Девятнадцать, это я из-за короткой стрижки так молодо выгляжу, я уже на третий курс перешла, – затараторила Аня.

– Да не в стрижке дело, хотя волосы можно и отрастить, а то ты на мальчика больше смахиваешь. – Лера спустилась с подоконника. – Ну как там наш медработник, успокоилась?

– Зря вы так, она вас ночью успокаивала.

– А вот успокаивать меня не надо, у меня все прекрасно, лучше всех. Знаю я этих утешальщиц: «что убогонького не пожалеть, ведь у меня-то все хорошо». Так, Аннушка?

Лера вышла из туалета, резко хлопнув дверью.

Аня в недоумении глядела на закрывшуюся дверь. Второй раз за утро она удивлялась резким переменам в настроении

соседки.

Да какое мне до нее дело? У меня своих проблем хватает. Вот где этот Шурка? Опять от бабули выслушивать, что нет ему дела ни до меня, ни до младенца.

Бабуля у Ани боевая, заведующая столом заказов гастронома, а гастронომ не простой, в смысле не для простых людей. У простых людей времени много, они могут и в очереди постоять. А непростые, у них времени нет. Шутка ли сказать – собрания, заседания, конференции, и питаться им надо усиленно и детям их и родственникам, потому как всем им живется нелегко. Так говорила Ане бабушка, когда Аня была маленькая, и так же она говорила, когда Аня выросла и у нее появилось множество вопросов.

Родители отправили девочку к бабушке или бабушка забрала внучку – об этом уже никто не вспомнит. Но после восьмого класса Аня переехала из Владивостока, где служил отец, в Ленинград, где жили бабуля и дедушка. Получать достойное образование и воспитание. Это тоже бабулины слова. Аня бабушкины чаяния почти оправдала. Школу закончила хорошо, в институт поступила сразу, да не просто абы куда, а на архитектурный, в ЛИСИ, правда, кое-кто шушукался за спиной, что, мол, непростые бабушкины клиенты помогли. Но Аня знала точно, что поступала сама. Два года она ходила к репетитору по рисунку. А художественная

школа? Это не купишь. А у нее по рисунку пять было при поступлении.

Вот когда бабуля пыталась ее в музыкальную школу пристроить, тогда, конечно, была вся тяжелая артиллерия подключена. Все деликатесы, оставшиеся от «непростых» людей, плавно перетекали в сумку преподавателя по музыке Беллы Григорьевны, но даже такая добрая женщина, как Белла Григорьевна, не смогла вынести Анечкиной игры на фортепьяно.

Однажды, придя к ним домой на очередной урок, она не выдержала и, хлопнув крышкой фортепьяно – со словами: «Анечка, больше никогда не открывай крышку этого инструмента», – гордо удалилась, даже не взглянув в сторону приготовленного пакета. А у нее дома – два мальчика. Это был поступок. Аня наказ учителя выполнила, к инструменту больше не подходила.

Но это было, как выяснилось позже, не самое большое бабушкино разочарование.

На первом курсе Аня влюбилась.

Они встретились в очереди перед библиотекой. Ей семнадцать, ему на год больше. Из библиотеки ушли вместе, а в конце первого курса решили никогда не расставаться.

Бабушка была против. Родители Шурика также не приветствовали ранний брак сына с «лимитчицей», так выразилась его мама.

Она вообще считала, что Аня обманным путем хочет завладеть метрами в их двухкомнатной квартире, родить ребенка, сидеть с ним на больничном и не работать. А их бедный обманутый сын...

Но приехали Анины родители, подарили молодоженам первый взнос на кооператив, бабуля постаралась с очередью, и родители жениха смягчились.

Но бабушкин вердикт был неизменен: «Не будет тебе с ним жизни, Анна. За мамкину юбку крепко держится».

Вот и сейчас, где он, этот новоиспеченный отец? Имя не придумали, куда ехать с малышкой – неизвестно. Опять все решать Ане.

Девушка еще раз взглянула на свое отражение в зеркале: действительно, короткая мальчишеская стрижка не придавала ее облику женственности. Взгляд скользнул по окну. Через больничный двор шла процессия из трех человек.

Первой шла бабуля, вторым Шурик, замыкала процессию Ольга Петровна – свекровь.

Ну почему так? Ведь такая радость, а они как на похоронах. Но как выяснилось позже, никто, кроме бабули, не знал, что Аня еще вчера родила девочку.

Когда девушка вошла в палату, там была полная идиллия, Лера с Валентиной разговаривали на тему, как кормить ребенка. Запевала, конечно, Валентина, Лера с пониманием

на лице внимательно ее слушала.

Родственники уже стояли перед окном. Они ждали.

– Чего?

Это был бабушкин звездный час.

– Привет, Анюта. Что врачи говорят, когда рожать? – бодрым голосом спросил Шурик в открытое окно.

– Говорят, что вчера Анна Горчакова, она же Самойлова, родила девочку, три килограмма, сорок девять сантиметров.

Лицо Шурика просияло, он, видимо, хотел сказать много хорошего, но натолкнулся на суровый бабушкин взгляд и слащавый голос Ольги Петровны. Она первая стала рассыпаться в поздравлениях.

Аню стали душить слезы, ей вдруг захотелось, чтобы все исчезли, она злилась на бабушку: почему не сказала, зачем эта драматическая сцена? На Шурку, зачем пришел с мамочкой. Она резко задернула штору и отошла от окна. Лера моментально отреагировала на сложившуюся ситуацию и порхнула к окну. Оттуда раздался ее зловеший шепот:

– Быстро уходите, главврач с обходом. Сейчас нам такой нагоняй будет. Всех выпишут, и мамаш и детей, без выходного пособия. – Она плотно закрыла створку окна. – Все, потрусил к выходу. Расслабься, Аннушка.

Аннушка плакала навзрыд, уткнувшись в подушку.

– Не прощу, ни за что не прощу. Предатель.

– Простишь. Куда денешься, не ты первая, не ты послед-

няя. Доля у нас такая – прощать и понимать.

– Мудрые слова, Валюша. Только вот я добавлю, девочки.

Прощать надо, но за определенную плату.

В окно опять стучали.

– Валя, ты здесь? Отзовись.

– Мой пришел. Лерочка, посмотри, пожалуйста, трезвый?

А то я разволнуюсь, молоко пропадет.

– Вот же угораздило меня на первый этаж с вами по-
пасть, – проворчала Лера, но к окну подошла. – На ногах
стоит, дальше не знаю, сама разбирайся.

– Ой какая девушка. А как вас зовут? У вас девочка или
мальчик?

– У тебя, Костик, девочка. – Голос у Валентины был гроз-
ный, но взгляд добрый. – Ты мне это прекращай, ты меня
знаешь, узнаю что, быстро лишу места под солнцем. За ок-
ном стоял Костик, муж Вали. Он был явно навеселе, с огром-
ным букетом белых роз и бутылкой шампанского.

– Валюша, я тебя поздравляю, я вчера как узнал... Сра-
зу к родителям, они тебя тоже поздравляют. Мама, конечно,
мальчика ждала, ты же знаешь, но ничего: рада и девочке.

– Еще один мамочкин сынок, – подала голос Аня. – Есть
на этом свете хоть один мужчина? Вопрос был риториче-
ский, но неожиданно Анна получила на него ответ:

– Есть. Это мой Олежка. Он точно настоящий, и очень
талантливый, и очень красивый, и еще много чего «очень».
Не успела Лера договорить, как двери в палату открылись,

на пороге стоял – сам Олег Грановский, сыгравший главную роль в недавно нашумевшей картине «Пророк». Анна и Валентина смотрели во все глаза, живой артист – и на пороге их палаты. Буквально неделю назад Аня с Шуркой ходили на премьеру в «Аврору», там была вся съемочная группа, и Грановский тоже. Но вот чтобы так близко, даже трудно поверить.

– Здравствуйте, женщины. Разрешите от имени всего мужского населения нашей необъятной Родины поздравить вас с рождением детей. А от меня лично низкий поклон. – Он театрально поклонился, как средневековый рыцарь перед дамой, и взмахнул в воздухе воображаемой шляпой. – А ты, дорогая супруга, – он сделал паузу, – переезжаешь.

– Куда? – Два голоса слились в одном.

– Не волнуйтесь, дамы, это недалеко. А ты, солнышко, собирайся, я тебя за дверью подожду. – И Олег Грановский исчез, как будто его здесь и не было.

– Ущипните меня, это был сон или это правда? Олег Грановский – твой муж? – Валентина приходила в себя.

– Муж, муж, а по совместительству мой партнер по сцене, а еще отец моего ребенка, – ответила Лера, одновременно бросая многочисленные вещи в пакет. – Вроде все, если что, забегу. Чао, подружки. До лучших времен, – с этими словами она послала все еще ошарашенным женщинам воздушный поцелуй и скрылась за дверью.

– Любовь недолгая была, разлука будет без печали. – Ва-

лентина присела на край кровати и стала в десятый раз за это утро переплетать косу.

Никто из женщин даже не мог предположить, как крепко и как надолго свяжет их, казалось бы, случайная встреча в обычном ленинградском роддоме №15.

Лера смотрела в окно – там буйство осени. Река, в воде отражение кленов – от нежно-желтого до черно-бордового. Как на картинах импрессионистов, все слегка размыто, взгляд через старинное венецианское стекло. Вот и в жизни Леры все было размыто, никакой ясности.

В кроватке посапывал Максимка. В кухне звенела посудой Манефа, и оттуда разносился запах борща. Не жизнь, а идиллия, но для Леры эта идиллия была смертельна. Она задыхалась.

Пять лет зайцем скакала по сцене на детских утренних спектаклях, а когда наконец до большой роли допрыгала, подарок получила. Олег, когда узнал, даже слышать не захотел о каких-то «других вариантах». Манефа, та вообще человек верующий, с ней на эту тему и разговор заводить не стоило. Короче, все были счастливы появлению Максимильяна. Вот была ли счастлива сама Лера?

Опять начинать все сначала. Пока рожала, наступил новый театральный сезон, и выстраданная роль ушла к другой актрисе. И что теперь делать Лере? Еще пять лет белочкой скакать?

У Олега роли и в театре и в кино. Да, он, конечно, не без таланта, но о чем говорить – мужчине всегда легче пробиться. Он и особенных усилий не прикладывал. Легко поступил, легко отучился. Еще во время учебы засветился в эпизоде, затем приглашение в театр и сразу главная роль в премьерном спектакле. Если быть до конца честной, и выбрала его Лера за успешность.

А у самой Леры сплошные трудности. В театральный поступать, отец встал на дыбы: «Только через мой труп в доме артисточка появится». Александр Семенович, номенклатурный работник, терпеть не мог «лодырей и лоботрясов», каковыми являлись все эти «так называемые артисты».

Лера единственный и поздний ребенок в семье. Отцу было за сорок, маму Лера не помнит, она умерла, когда ей было четыре года. И сразу в их семье появилась Манефа, добрый Лерочкин ангел. То ли домработница, то ли жена. Отец взял в дом женщину, которая должна была ухаживать и воспитывать ребенка и выполнять еще ряд функций.

У Манефы не было своих детей, и всю нерастраченную любовь она отдала Лерочке. И конечно, когда ее девочка, умница, красавица, захотела стать артисткой, Манефа сделала все возможное и невозможное. Первого сентября Лера гордо шагала по Моховой, а через пять лет – в сторону ТЮЗа, правда, уже не так гордо. В ТЮЗ ее протолкнул товарищ отца, который курировал отдел культуры. И здесь постаралась Манефа.

В театре тоже все время кто-нибудь перебежал дорогу. То старая и заслуженная, то молодая и прыткая. Лера ждала своего звездного часа. И час наступил с приходом нового художественного руководителя. С первой же встречи Лера почувствовала, что произвела нужное впечатление, теперь надо было дождаться момента.

Момент не заставил себя долго ждать, и как-то само собой все получилось. Главная роль в премьерном спектакле. Лера ликовала. Репетиции, прогоны – и вдруг все закончилось, не успев толком начаться. В результате Лера опять на обочине.

Грустные мысли прервала Манефа.

– Лерочка, руки мой и за стол. Максик скоро проснется, а ты голодная.

– Да, Манечка, сейчас иду. Максик скоро проснется, с Максимом надо пойти погулять, Максика надо покупать, – Лера разговаривала сама с собой

– Ты что там бубнишь, деточка?

– Все хо-ро-шо.

Полька уже не плакала, она завывала. Аня из последних сил трясла ее на руках:

– Ну что тебе еще надо? Сухая, накормленная. Ты должна спать. Я должна спать, мы должны спать.

Казалось, что сейчас Аня действительно уснет, мозг от-

ключался. Ребенок продолжал кричать, и мать из последних сил старалась не уснуть с орущим ребенком на руках. В воспаленном мозгу мелькнула мысль: выйти сейчас на улицу, положить девочку на скамеечку, а самой уйти и наконец-то поспать. Сразу несколько часов подряд, а еще лучше – несколько дней.

Аня с силой тряхнула головой, чтобы прогнать только что нарисованную больным воображением картинку. Она так натурально увидела свою крохотную девочку, одиноко лежащую на скамейке, что сама заплакала вместе с Полей.

В дверях стояла бабушка и смотрела на ревуших мать и дочь. Аня даже не заметила, как та появилась на пороге комнаты.

– Ну что, воюешь? Давай сюда дите. – Бабушка взяла ребенка на руки. Как по волшебству девочка моментально затихла. Бабуля тихонько стала напевать: «Придет серенький волчок, схватит Полю за бочок». Вскоре ребенок мирно спал в кроватке.

Уже сидя в кухне, бабушка в который раз за последнее время завела разговор о Шурике:

– Ну на что тебе сдался этот мамкин сын? Как с быка молока. Кстати, кто завтра на молочную кухню пойдет? Ведь когда он от мамочки приедет, там уже ничего не будет.

Аня слушала, безучастно глядя в темное кухонное окно, ни сил, ни желания вступать с бабушкой в диалог у нее не было.

– Я схожу.

– Куда сходишь? А с Полиной кто будет сидеть?

– Я с Полиной схожу, – так же безучастно ответила девушка.

– А теперь послушай, моя дорогая внученька, что я тебе скажу. – Бабушкин тон изменился, из ворчливого он превратился в официальный. – Мне сегодня звонили из исполкома. Квартира твоя будет готова к сдаче через два месяца.

– Бабуля! – Аня радостно вскочила со стула и чмокнула Людмилу Николаевну в щеку.

– Ты меня не дослушала, Анна. – Опять этот официальный тон, девушка уже с тревогой посмотрела на бабушку. – Я повторяю, твоя, – сделала она акцент на слове «твоя».

Девушка начала догадываться, бабушка продолжила.

– Как ты уже поняла, через два месяца вы с Александром должны развестись.

– Никогда. И квартира мне ваша не нужна. Нам не нужна, – поправилась Аня, голос звучал гневно.

– Ты, девочка, не горячись и квартирами не разбрасывайся, они не так легко даются. А Шурка твой никуда не денется. Ведь это всего лишь штамп в паспорте, а нам с матерью спокойнее будет, что квартира только на тебе и на Полине.

– И мама с тобой заодно.

Мама была ее последняя надежда.

Девушка поняла, что скоро, очень скоро ей предстоит сделать выбор: муж или квартира.

– Мое солнышко, моя ласточка, моя девочка, – Валентина гулила, склонившись над кроваткой. – Костик, ты где застрял?

– Муся, уже бегу.

В комнату с бутылочкой в руках вкатился Костик. Небольшого роста, с намечающимся животиком и ранней лысиной, нос картошкой и полные яркие губы, что делало его облик мягким, похожим на мультяшного Винни-Пуха. Костик склонился над дочерью и с умилением стал смотреть, как жадный ротик ребенка вцепился в бутылочку со смесью.

– Ну вот и я на что-то сгодился. Кормящий отец, – гордо произнес он.

– Да уж, куда мы без тебя? Пропадем.

– Валюш, хотел тебя предупредить. Смену я взял дополнительную, завтра в ночь на сто первый маршрут выхожу. Сонечку без меня искупаешь?

Валентина внимательно посмотрела на мужа и, пряча улыбку, спросила:

– Это теперь у вас так называется? Сто первый маршрут?

– Да ты что, Валентина? – возмутился Костик. – Я денег в дом заработать хочу. Все для вас с Сонькой.

Костик нахмурился и отвернулся. Обиделся.

– Да ты что, совсем шуток не понимаешь? Быча ты моя, – Валя шутливо толкнула мужа в бок.

– Шутки у тебя, Валюха, очень обидные. – Костя заулы-

бался и сделался похож на большого ребенка.

– Доверяй, но проверяй. Так моя мамочка, покойница, царство ей небесное, говорила. Ты меня, Костик, знаешь, если что...

– Знаю. Ты лишишь меня места под солнцем.

– Вот и умница.

– Так я побежал, Валюш?

– Беги уж, не опоздай. А то премии лишат.

Костик чмокнул Валентину в подставленную щеку, а Со-
нечку взял на руки и поцеловал ей каждый пальчик, девочка заулыбалась своим беззубым ротиком, и Костик, совсем разомлевший от нахлынувшей нежности, чуть не расплакался.

После появления в его жизни дочери уйти из дома было невозможно, просто закрыв дверь. Каждый раз это был целый ритуал, но с какой радостью он возвращался, прямо взлетал на пятый этаж их девятиэтажки, не дожидаясь лифта. Вбегал в квартиру и замирал на пороге комнаты. Обычно он заставал мать и дочь вместе. Они или кормились, или мылись, или спали.

Наконец дверь за Костиком закрылась, и Валя присела на диван.

Все в ее жизни хорошо. Доченьку наконец Господь дал, муж у нее – лучше и желать не надо, а в душе все равно муть какая-то поселилась. А все свекровь. Нейметя ей. Вчера Валя случайно, а может и не случайно, подслушала разговор

сына с матерью. Из услышанного было понят- но, что вселяет она в сына сомнения: мол, не его это ребенок. Ты, мол, сы- нок как следует посчитай и вспомни, что вас тогда-то и то- гда-то от автопарка в командировку посылали. А когда Ва- лентина забеременела? Вот и думай, Костенька, пять лет де- тей у вас не было – это раз, свинкой ты в детстве переболел – это два. Костик сопротивлялся и пытался напомнить матери, что та сама говорила – диагноз был ошибочный и свинку ему не подтвердили. Мать настаивала на своем.

Вот зачем ей все это надо, в который раз спрашивала се- бя Валя. В квартире живут своей, Костик в автопарке полу- чил: ушел из инженеров и стал обычным водителем. Денег хватает, займы не просят, мир и любовь в их доме. Так нет, ложка дегтя в бочке с медом. Видно, смириться бы надо Ва- лентине, но гложет и гложет ее это. А вдруг поверит и нач- нет сам мучиться и ее с Сонькой тихо ненавидеть. Да нет, выбросить это из головы. Костик так их любит. Вот имен- но, ты же знаешь, что от любви до ненависти – один шаг. И этот шаг так настойчиво предлагает сделать Нина Серге- евна. А Вале и посоветоваться не с кем. Мамочки ее уже пять лет как нет, только и успела на свадьбе у дочери погулять. Ушла. Она долго боролась с недугом, внуков мечтала понян- чить, но не суждено было. Отец ушел через восемь месяцев. Любил он свою Наташу больше всего на свете.

От кого-то Валя слышала, что любящие люди – те, кото- рые по-настоящему и навсегда, – не могут жить друг без дру-

га. Вот отец и ушел вслед, без видимых болезней, просто однажды не проснулся. Врачи сказали: сердце. Конечно, сердце, ведь любовь течет через сердце и перетекает из одного в другое. А если другого уже нет?

Валя вытерла слезы, набежавшие то ли от воспоминаний, то ли от обиды на свекровь. Сонечка мирно спала в кроватке.

– Ничего, доченька, мы еще поборемся. Нас голыми руками не возьмешь. – И Валентина улыбнулась своему отражению в зеркале. Из зеркала на нее смотрела красавица, будто с картины Кустодиева, только не с рыжими, а иссиня-черными волосами, заплетенными в косу.

Глава 2

– Ну это ж надо, три года жили рядом и ни разу не встретились! Хотя не мудрено – у меня гастролы, съемки. С Мак-сиком в основном Манефа гуляет. Ты-то как? – Лера говорила очень эмоционально и громко, привлекая к своей персоне внимание мамаш на детской площадке.

Да и трудно было не привлечь. Лера была одета в длинное платье-сарафан с ярко-красными маками по подолу, но что делало ее особенно привлекательной, так это красная шляпа с широкими полями.

К Ане подбежала Полина и, глядя снизу вверх на мать, очень серьезно спросила:

– Мама, а мне можно с этим мальчиком, – кивнула она в сторону мальчишки, стоящего поодаль с лопаткой, – пойти в дальнюю песочницу?

– Иди, главное, чтобы я тебя видела, а ты меня.

– Сколько ей уже?

Аня недоуменно посмотрела на Леру.

– Точно, – Лера театрально стукнула себя по лбу. – Конечно же, им обоим неделю назад три года исполнилось. Надо же, в один день родились.

– Я думаю, в этот день не только они родились. – Анну на-прягала эта встреча, ей совсем не хотелось пускаться в вос-поминания.

Она ждала Шурика, а он в очередной раз опаздывал на воскресное свидание. Тем более Анна готовилась к серьезному разговору с мужем, а точнее, с бывшим мужем.

Но Лера не унималась, она явно была расположена поболтать и опять стала сыпать вопросами:

– Слушай, а что с этой цыганкой Азой, не знаешь?

– Она не цыганка, и зовут ее Валентина. У нее все хорошо. Мы с ней созваниваемся иногда.

Аня беспокойно посмотрела в сторону входа в сад.

– Это хорошо, что у нее хорошо. Плохо, что у тебя плохо. – Лера стала серьезной. – Ты что такая затурканная, студент твой или маман его старается?

Неожиданно для самой себя Аня вдруг стала рассказывать Лере все, что последние месяцы не давало покоя. Ведь ей и пожаловаться толком некому. Близкой подруги нет. Школьная была когда-то, и та во Владивостоке. В институте некогда было дружить, у нее маленький ребенок на руках, а у однокурсниц – дискотеки, романы, короче, интересы разные. И сейчас ей показалось, что Лера та самая подруга, которой можно все рассказать и она поймет. И она начала чуть ли не с первой их встречи с Шуриком, затем о том, как он смалодушничал в первый раз и согласился, что Ане с малышкой будет лучше у бабушки в доме, потом как просто он согласился на якобы фиктивный развод, потом стал появляться раз в неделю по выходным, а сейчас и вовсе они не виделись уже месяц, даже на день рождения дочери не пришел,

сказал, что какие-то важные дела. В его разговорах все чаще звучали какие-то лозунги. В стране шла перестройка. Аня толком не знала, что за этим стоит, но Шурика этот процесс явно увлек.

– Мне кажется, у него кто-то появился, – печально закончила свой рассказ девушка.

– Немудрено при такой жизни. А чего ты хотела, моя дорогая, – сама мужика из квартиры культурно попросила.

– Я его не выгоняла, это как-то само все получилось.

– Само не получается, у тебя была своя выгода, у него своя. С этим надо согласиться. А вообще, не вижу в твоей истории ничего трагичного. Квартира – есть, молодость – еще есть. А мужчина – не проблема. Хочешь, познакомлю? Вполне приличный мен, сорок лет, разведен.

– Да ты что? Я же тебе говорю, что я люблю.

– А, ну тогда люби.

Вдруг со стороны песочницы раздался оглушительный рев. Обе мамы как по команде бросились в сторону детей, каждая к своему.

Плакала Поля.

– Он меня лопаткой по голове – очень больно.

– Она мне формочку не дает.

– Максик, зачем тебе формочка – у тебя своя есть?

– А я хочу эту. – Малыш стукнул ножкой.

– Поля, дай Максимке формочку, ты же нежная девоч-

ка. – Аня погладила дочь по голове.

– Не дам, ни за что.

– Ладно, давайте вот что мы сделаем. Пойдем все вместе в «Шоколадницу» и отметим день рождения. Ведь у вас он в один день, вы дружить должны. – Лера взяла обоих малышей за руки. – Давай, Макс, ты первый.

Малыш нехотя, но все же протянул руку девочке.

– Мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться... – дальше он забыл и взглянул на мать, ожидая от нее подсказки.

– Я буду кусаться, а кусаться нам нельзя...

– Потому что мы друзья, – весело закончил Максимка. Дети уже забыли о ссоре и весело бежали в сторону выхода, впереди было обещанное мороженое.

Лера вытащила из сумочки записную книжку, что-то там посмотрела.

– Вот, держи. Здесь две контрамарки, это премьерный спектакль. У меня там главная роль. – Через секунду она добавила: – Почти главная. И телефон свой запиши, мало ли что.

Шурик в этот день так и не появился и не позвонил. А сама Аня звонить не стала, во-первых, обиделась, а во-вторых, не хотела нарваться на кислый тон свекрови.

Оставалось опять ждать.

Ждать было мучительно, на второй день Аню стала грызть

мысль: а что если с Шуриком что-то случилось. Вот так, шел человек, на него напали, он попал в больницу, или не напали, просто стало плохо на улице. Вечером Аня решила позвонить. В тот самый момент, когда Аня, преодолевая последние сомнения, подошла к телефону, раздался звонок в квартиру.

Девушка опрометью кинулась к дверям и, забыв о всех предосторожностях, открыла, даже не спросив «Кто там?».

На пороге стоял Шурик собственной персоной. Аня бросилась ему на шею со словами:

– Шурка, как ты меня напугал, я уже маме твоей хотела звонить.

– Что ж не позвонила?

Аня опешила:

– Шурочка, ты что? Какая муха тебя укусила? Мы тебя с Полькой полдня в Михайловском прождали.

Шурик понял, что действительно перегнул палку, а возможно, еще не вышел из образа оратора. Он потрянул головой, очень смешно, так собаки стряхивают с себя воду.

– Анечка, прости меня. Я так забегался с этими собраниями, организацией митинга, голова кругом. Я дурак, я плохой муж, я плохой отец, меня надо казнить и... как там говорит твоя подруга Валя?

– Лишить места под солнцем, – Аня вздохнула, она уже не сердилась. Шурка жив-здоров – и слава Богу.

– Она видела его смеющиеся глаза, вокруг которых соби-

рались морщинки, и он становился похож на хитрого лиса из сказки.

– Полька что делает?

– Полька десятый сон видит, третий день как в сад пошла. В девять сама в кровать ложится – и ее нет.

– А ты? Чем ты занимаешься?

Они прошли из прихожей в комнату, где горели две яркие настольные лампы, прикрученные с двух сторон к кульману, кульман, как хозяин дома, стоял посередине, на нем кусок белого, с какими-то схемами, ватмана.

– Я работу на дом взяла, Борис Матвеевич попросил, срочно надо доделать.

– Анята, но сколько тебя надо учить? Плохо распределяешь свое рабочее время, неправильно оптимизируешь процесс.

Шурик, остановись. Ты не на митинге. Какая оптимизация? Когда я месяц на больничном просидела.

– Опять я полный дурак, а ты у нас умница. Кстати, что это за абракадабра у тебя?

– Обычный дом, сто тридцать седьмая серия, место застройки – Комендантский аэродром. А что, здесь тоже что-то не так? – Аня медленно стала из обороны переходить в нападение.

– Сто тридцать седьмая серия, очередная коробка для народонаселения.

– Шурик, я тебя не понимаю, в кои-то веки пришел домой и всем недоволен.

– А ты, Анюта, довольна? Ты эти коробки перечерчивать хотела, когда на архитектурный поступала? Нет. Ты хотела строить дома. Настоящие дома, такие же красивые, как строили раньше. А я хотел строить дороги, настоящие дороги. А что мы имеем по факту? Ты перечерчиваешь, я перекладываю асфальт или заделываю в нем дыры.

– Шурик, ты несчастлив? – Аня подошла и нежно обняла мужа за шею, в глазах стояли слезы.

– А ты счастлива? – Он смотрел на Аню сверху вниз.

– Я – да, – Аня ни на секунду не задумалась. – У меня есть ты и Польша, больше мне ничего не надо. Кстати, мы в тот день, когда тебя ждали, знаешь кого встретили? – Аня быстро перевела разговор в другое русло, интуитивно она поняла: надо уходить от скользкой темы.

– Представления не имею. – Шурик принял игру и, как показалось Ане, вздохнул с облегчением.

– Леру, Валерию Грановскую. Мы с ней вместе рожали.

– Подожди, с тобой же Валентина лежала.

– Да, Валентина. Просто Леру почти сразу перевели в другую палату.

– Вспомнил. Женщина с ангельским голосом.

– Так вот, эта женщина с ангельским голосом пригласила нас на премьеру в эту пятницу. У нее там главная роль.

– В пятницу? Какое это число у нас... – Шурик подошел

к календарю, висевшему на двери. – Нет, Анечка, в эту пятницу не получится. Возьми кого-нибудь из подружек.

– Нет у меня подружек, Шурик. Ты моя единственная подружка. – Аня обиженно отвернулась.

– Ну, бабушку возьми, в конце концов.

– Ага, а с Полей ты будешь сидеть или, может, твоя мамочка?

– Так, Аня, не заводись, у тебя как что-то не по тебе – сразу мама. Оставь ты ее в покое.

– Аня стояла отвернувшись к окну. Шурик сидел в кресле, вдруг он заулыбался и хлопнул себя по коленям.

– Я придумал. Иди с Валентиной, а ее Костик с девочками посидит. Он мировой мужик, детей обожает.

– Ты откуда знаешь? – Аня повернулась и с любопытством посмотрела на мужа.

– Да так, пересекались в одном месте. Зарекомендовал себя с хорошей стороны. – Шурик опять улыбался. Долго сердиться на него невозможно. В этом был весь Шурик.

С Валентиной договорились встретиться на «Владимирской». Бабуля осталась с Полинкой. Завтра выходной. Аня пришла раньше и стояла перед выходом с эскалатора, высматривая приятельницу.

Эскалатор двигался, из него медленно выплывали люди, поток был нескончаемый, больше-меньше, как из тюбика с пастой. В метро есть свой неповторимый ритм. Электричка приходит, народ вытекает плотной массой, затем все мень-

ше и меньше и иссяк. Глядя на это непрерывное движение, Аня подумала о том, что жизнь тоже невозможно остановить, она течет из одного, перетекая в другого. Из матери в детей, из детей в других детей и так до бесконечности. В голову пришла мысль: вот он, вечный двигатель.

В этом философском состоянии и застала ее Валентина, белым лебедем выплывшая с эскалатора. Кремовое платье, чуть выше щиколотки, плотно облегалo статную фигуру, темные волосы забраны в хвост. Выглядела Валентина эффектно. Аня невольно залюбовалась. Сама девушка была одета в свой обычный наряд. Джинсы, мокасины, по случаю театра – кофточка с бантом. Так Аня чувствовала себя удобно и комфортно.

– Ну ты просто королева, – Аня не скрывала своего восторга.

– Так на премьеру не каждый день приглашают, – Валя улыбалась, было видно, что произведенный эффект ей очень нравится. – А ты что как цыпленок? Дочка скоро замуж выйдет, а ты все как пацанка. Женщиной надо становиться, женщиной. – Валя обняла девушку за плечи и поцеловала в щеку.

– Мне кажется, женщинами рождаются, ими не становятся.

Валентина пристально взглянула в глаза Ани.

– Хочешь, секрет открою? Женщинами нас делают мужчины, которые рядом и любят. А теперь пошли, цыпленок,

цветы надо купить для примы.

Спектакль был на современную тему. О мужчине и женщине, о любви и о боли, о страхе получить эту боль, о невозможности полюбить и невозможности разлюбить.

У Леры в спектакле действительно была не главная, но значительная роль. И играла она превосходно. Подруги хлопали не переставая. Цветы преподнесла Аня.

– Подождите меня у служебного входа. Отметим. – Лера с букетом скрылась за кулисами.

Выходили из театра молча. Валентина хотела поговорить и поделиться впечатлением, было видно, что ее так и распирает и слова готовы вылиться наружу, но Аня разговор не поддерживала. Когда что-то серьезно ее затрагивало, не могла об этом говорить и обсуждать. Ей надо было с этим побыть, и лучше наедине с собой.

Для сентября вечер был очень теплым, больше похожим на летний. На улице было еще довольно много народа, подруги подошли к служебному входу, там уже стояли любители автографов. Несколько дам среднего возраста, один мужчина с бледным лицом и две молодые девушки. Стали выходить актеры, участвовавшие в спектакле. Вышел Сергей Назаров, игравший главного героя, дамочки бросились к нему за автографом. Вышло еще несколько человек. Леры не было.

– Может, пойдем уже, а то стоим здесь, как два тополя. –

Валентина потянула подругу в сторону метро.

– Нет, неудобно. Она просила подождать.

– Да она уже забыла про нас.

Но вот дверь распахнулась, и сначала показались цветы, а за цветами – Лера. Улыбающаяся, легкая, с распущенными светлыми волосами. Облако – воздушное, расточающее нежнейший аромат духов. Мужчина с нездоровым лицом кинулся к ногам Леры.

– Богиня, умоляю. Один поцелуй. – Лера в ужасе отступила назад, взгляд ее заметался.

Валентина отреагировала мгновенно. Два шага – и она стояла рядом с Лерой, немного оттеснив ее обратно к выходу.

Мужчина стоял на коленях, ветерок теребил остатки былых кудрей, в глазах безумное обожание. Если бы не испуганный взгляд Леры, сцена выглядела очень комично. Королева защищала принцессу от обезумевшего поклонника.

– Мужчина, встаньте и идите домой, – начала Валя своим глубоким голосом. – А то милицию вызовем, а еще лучше – психушку.

При слове «психушка» мужчина быстро вскочил на ноги. И со словами:

– Не надо психушку, я уже испарился, – он быстрым шагом стал удаляться, на ходу обернулся и послал в сторону дам воздушный поцелуй.

– Ужас. Спасибо вам, спасли от маньяка. А вы, наверное, Анечкина подруга? – Лера потихоньку стала приходить в себя.

– Открой глаза, принцесса. Я – Валя, медсестра, тебе еще моя профессия очень понравилась.

– Точно. Тебя и не узнать. Как мы выросли, как мы похорошели. – К Лере вернулся ее привычный ироничный тон. К ним подошла Аня.

– Ты как? – не понятно, к кому конкретно был обращен вопрос.

– Обратная сторона славы, – с улыбкой произнесла защитница. – Тебе, принцесса, надо охрану нанимать, мне Костик рассказывал, на Западе так все звезды делают.

– Знаете что, девушки, – Лера взяла подруг под руки, пошли в «Сайгон», там Лидочка варит настоящий кофе. Я угощаю.

В кафе, несмотря на поздний час, народа было много, впрочем, как всегда. Место популярное. Здесь можно встретить как актеров, так и питерский андеграунд. Лера покрутила головой, но никого из знакомых не увидела. Они встали в очередь к Лидочке, которая сразу узнала Леру и приветливо ей кивнула.

– Добрый вечер. Лидочка, нам три маленьких двойных.

– Как спектакль?

– Девять раз выходили, вот только маньяк чуть весь вечер

не испортил. Хорошо подруги рядом оказались.

– Да, я понимаю, у нас здесь на таких насмотришься... – Лидочка понимающе кивала головой, при этом ее движения были доведены до автоматизма. Вперед – назад, кнопка – чашка.

Подруги пристроились за столиком возле окна, места в кафе были только стоячие.

– Ну что, рассказывайте, как дела, как мужья, как дети? – Лера отошла от происшествия и была в прекрасном расположении духа.

– Да рассказывать особенно ничего, – начала Валентина. – Костик у меня работает, зарабатывает, какую-то они там общественную комиссию затеяли, он у них там главный. Кстати, с твоим студентом консультируется, я по телефону разговор их слышала, – кивнула она в сторону Ани. – Я в поликлинике, Сонька в детском саду. Все при деле.

– А ты? – Лера повернулась в сторону Ани. – Дождалась Шурика?

– Не знаю.

– Интересное дело, а кто знает?

– Он приходит и уходит. Появляется, когда захочет, уходит – не предупреждает. Но я не об этом. Я о том, что твоя героиня чувствовала? Она любила, ей изменяли, она прощала. Как это? Ты чувствовала, ведь это невозможно сыграть.

– Милая моя, вот именно только сыграть я это и могла. Если бы я чувствовала, я бы и вздохнуть не смогла на сцене.

– Не понимаю, – растерянно произнесла Аня.

– А понимать не надо. Ты смотришь, тебе нравится. Ты чувствуешь, зритель чувствует. Вот это самое главное для хорошего создания образа. – Лера говорила как по написанному. Аня ее не понимала. Она смотрела в свою чашку и медленно помешивала ложечкой, мысли ее были уже далеко от «Сайгона».

– Лера, а как Олег? Я его недавно видела в новом фильме, название не помню, но очень понравился. Детектив.

– «Золотая роза», наверное.

– Точно.

– Я его совсем не вижу, съемки, прогоны, любовницы.

– Все как у всех.

– Как у всех? Это ты напрасно. У нас с Костиком все хорошо.

– Поздравляю. Не помню твоего Костика, но наверное.

– У нас без наверное, у нас наверняка, – Валя резко оборвала подругу. – И вообще мне домой пора.

– Валюш, ты что, обиделась? Да брось ты, у вас с Костиком семья, а у нас театр.

– Нет, не обиделась, мне правда пора. Ты Аня как, домой?

Аня очнулась от своих грез:

– Что?

– Я спрашиваю, ты домой или как?

Лера явно хотела продолжения вечера и с надеждой смотрела на Аню.

– Я, пожалуй, еще останусь.

– Ну как знаешь. Счастливо оставаться. Спасибо за кофе. – И она подвинула чашку на середину стола.

По тону Валентины Аня поняла, что подруга ее выбор не одобрила. И чтобы как-то сгладить возникшую ситуацию, неожиданно для самой себя она произнесла:

– Сегодня шестнадцатое сентября, нашим детям три года и один месяц. – Верно?

– Верно, – в один голос произнесли обе женщины, еще не понимая, что хочет Анна.

– И я предлагаю сделать нашу встречу ежегодной, время и место по настроению, дети по желанию.

– Что значит – по желанию?

– Да я шучу, Валюша, конечно, с детьми, в этом и вся штука. Пусть общаются, дружат. Ведь не каждый день встретишь человека с твоим днем рождения.

– Я согласна.

– Здорово. Поддерживаю. – Лера обрадовалась, что можно расстаться на позитивной ноте, она не любила острые углы.

Наконец оставшись наедине с Лерой, Аня задала вопрос, который ее мучил:

– А ты точно знаешь, что у Олега есть любовница?

– Точно. Самое противное, что об этом знает весь театр.

– Как ты это терпишь?

– А я и не терплю, я плачу той же монетой.

– То есть?

– У него любовница, у меня любовник.

– Как же вы живете вместе? – В голосе девушки было непонимание. – А Олег знает про тебя?

– Меня не волнует, что знает, а чего не знает Олег. Мы живем вместе, у нас семья, у нас ребенок, у нас общие заботы, общие интересы. Что еще надо для семейного счастья?

– Любовь.

– Нет, Анята. Любовь это на сцене и в книгах. – И, взглянув на девушку, спросила: – Хочешь, угадаю твой любимый роман?

Аня кивнула.

– Ремарк «Триумфальная арка».

– Да, один из любимых. Бунина еще люблю.

– Ну куда же без Бунина, без его «Темных аллей», без несчастной любви? Заканчивать с этим детством надо, Анята, и становиться женщиной.

Немного поговорив и выпив еще по чашечке кофе, подружки вышли из кафе.

– Вечер-то какой, прямо лето. Давай прогуляемся по Фонтанке, а там и по домам, – предложила Лера.

– Всегда за. Я так редко выбираюсь куда-нибудь за пределы работы и песочницы, что мне хочется, чтобы этот ве-

чер не кончался. Вечер, будь всегда, – произнесла девушка и протянула руки к невидимому собеседнику.

Приятельницы перешли Невский и направились в сторону Фонтанки. Аничков мост, с навечно застывшими конями. Свернули возле аптеки и пошли вдоль набережной. По реке еще курсировал водный трамвайчик, на палубе стояли люди и радостно махали всем проходящим по набережной.

Аня тоже приветливо махнула в ответ. Лера нарушила молчание:

– Анюта, с Шуриком твоим мне почти все понятно, но почему тебе бабушка не помогает?

– Да ты что? Бабуля со своими непростыми людьми не расстанется. Для нее работа уже давно не работа – это ее жизнь.

– Что еще за непростые люди? Что за работа?

– Бабушка моя – заведующая отделом заказов в нашем гастрономе. Там и люди, те самые.

– Анюта, да ты у нас бесценный кадр. – Лера даже приостановилась.

– Я то здесь при чем?

– Ты близкий родственник. Пользуйся. А непростые люди – это тоже люди, и среди них попадаются ничего. – Лера усмехнулась. – Кстати, мой любовник как раз из этих, которые ничего. В отделе культуры работает. Билеты в Мариинку, на Аллу Пугачеву – всегда пожалуйста.

– Да мне некогда, я с Полькой. Хорошо, бабуле завтра

на работу, так она у нас ночует. А так, в выходные она у себя, отмокает, как она выражается. На смену ей Шурка, а он, как ты понимаешь, товарищ ненадежный.

– Да, ненадежный Шурка, – как бы в задумчивости произнесла Лера. – У меня к тебе будет просьба.

И Лера без лишних предисловий попросила Аню помочь в организации юбилея Олега.

– Ну сама понимаешь, придется и дома, и в театре. В театре ладно, там можно и вареной колбасой обойтись, а вот дома, дома надо постараться. Олегу надо заслуженного получить, и этот юбилей как нельзя кстати: пригласить нужных людей. Поможешь? – закончила Лера.

У Ани вид был растерянный, вот так сразу от волшебного вечера к обыденности жизни. От магии сцены и декораций города – к вареной колбасе.

– Я даже не знаю, – начала она немного смущенно. – Надо бабушку спросить.

– Да ты не волнуйся, Анюта, я сама все сделаю, твоя роль – познакомить меня с твоей бабулей, как ее, кстати, величают?

– Людмила Николаевна.

– Вот и хорошо, так я к вам наемни забегу на чашечку чая?!

– Да, конечно. – Аня все еще не могла перенастроиться.

– А за мной не пропадет, приглашу тебя на праздник, а там, чем черт не шутит, встретишь и ты своего принца. – Лера улыбалась, окончание вечера ее явно радовало.

– У меня уже есть.

– Есть так есть.

Подруги стояли на углу Пестеля и Фонтанки, дальше их пути расходились, Лере – по набережной, а Анне – к дому с висящим на кованой цепи фонарем.

– До встречи.

– До звонка, – уточнила Лера и, чмокнув подругу в щеку, быстрым шагом направилась в свою сторону.

Вдруг Лера остановилась, резко развернулась и пошла обратно, уже на ходу половиня букет, который держала в руках. Подошла к Анне и со словами:

– Женщина должна возвращаться домой с цветами, – вручила цветы Анне.

Аня смотрела ей вслед, и противоречивые чувства владели ею. Она многое не принимала и не понимала в Лере, но определенно она ее очень привлекала своей независимостью и, как казалось Анне, смелостью суждений.

А может, и правда, плюнуть на эту любовь и жить, наслаждаясь свободой и тем, что дает эта свобода?

С этими мыслями она вошла в дом. Там ее ждал сюрприз.

За кухонным столом сидел Шурик, перед ним стояла чашка с чаем. Напротив сидела Людмила Николаевна. Аня внутренне напряглась.

– Проходи, внученька. Вот, полюбуйся на отца своего ре-

бенка.

Аня посмотрела на отца ребенка. Под глазом Шурика уже во всей красе расползся синяк, и глаз заплыл, на левой щеке была ссадина, а правая рука лежала на коленях, и он придерживал ее левой.

– Шурка, что случилось? – Анна кинулась к мужу, хотела его обнять, но строгий взгляд бабушки остановил ее порыв. – Кто это тебя?

Шурик понуро молчал, уставившись в одну точку, куда-то в пол.

– Вот пришел, да не пришел, а ворвался с грохотом, чуть ребенка не разбудил. Попросил воды, я ему чая налила. Сидит молчит.

Аня еще раз попыталась начать разговор, но муж молчал. Она поняла, что случилось что-то очень серьезное, волнение нарастало. Девушка попросила Людмилу Николаевну оставить их одних. Недовольно ворча, пару раз вернувшись за какой-то ерундой, бабушка все же удалилась.

– Рассказывай. – Аня села напротив.

И Шурка поведал ей, что сегодня, вместо того чтобы пойти с ней в театр, он пошел на митинг отказников.

– Кто такие отказники?

– Ну, их не выпускают из нашей страны на их исконную родину – Израиль. Они решили устроить демонстрацию перед Смольным.

– А ты здесь при чем, ты ведь не отказник? И евреев среди

твоих родных нет.

– Ну, это с уверенностью никто из нас утверждать не может.

– Шурик, не надо демагогии.

– Маминого отца, моего деда значит, Петром Авраамовичем величали, между прочим. – Шурик выжидательно посмотрел на жену.

– Авраам – старинное русское имя, – не задумываясь ответила Аня. – Скажи толком, кто и за что тебя побил? И Шурик начал рассказывать, что все началось мирно, люди пришли с плакатами, стояли общались. Шумели, кто-то даже стихи читал, то ли свои, то ли классика какого, Шурик не понял. Он внимал духу времени, как он выразился. Потолкались часа два, послушали выступающих ораторов и стали расходиться. Народ потек в сторону «Чернышевской», в районе Таврического сада Шурик услышал женский крик о помощи. Крик раздавался из кустов, он кинулся на голос и увидел, как трое здоровенных парней избивают пожилого мужчину, девушка пытается хоть как-то его защитить, один из них схватил ее за руку и повалил на землю. Шурик вступил в борьбу, но силы были явно не равны. На счастье Шурика, появилась милиция. Парни врассыпную, а его и пострадавших – в отделение. Составили протокол, его записали как свидетеля. Он пришел к Ане, здесь – бабушка.

– Шурка, Шурка, вечно тебе нейдет, а если бы у этих хулиганов нож был? – Аня обняла мужа и прижалась головой

к его плечу.

– Ты знаешь, Анечка, самое ужасное, что это были не хулиганы. У них на рукаве была свастика, а потом я нашел у себя в кармане вот это. – И Шурик протянул Ане листок бумаги. Черная фашистская свастика и надпись «Память».

– Шурка, – Аня с ужасом смотрела на маленький клочок бумаги, но ей казалось, что перед ней оружие, смертельное оружие, которое убивает, – ты в милиции рассказал?

– Нет. Борис Наумыч и Ирочка просили не говорить об этом.

– Но ведь их убивали, их могли убить?!

– Они подали документы на выезд и боятся любых провокаций. Я их понимаю.

– Ничего ты, Шурка, не понимаешь, – Аня вздохнула. – Пошли спать. Утро вечера мудренее.

Валентина торопилась домой. Нет, она не сомневалась, что Костик справится, но материнское сердце было не на месте. И не зря. В дверях ее встретила свекровь.

– Ну что, нагулялась? – были ее первые слова.

Валя решила не реагировать, держать оборону, насколько хватит сил.

– Вечер добрый, Нина Сергеевна. Костик где?

– Костик? По делам ушел. – При этом Нина Сергеевна сделала загадочное лицо, насколько это было возможно, актриса из нее была плохая.

– Соня? – Валя держалась. В голове проносился вихрь мыслей. Где? С кем? Зачем?

Она думала о муже. Если Костик вызвал маму и она приехала с Васильевского на ночь глядя, для этого нужны очень серьезные основания. Видимо, они были. Валя безоговорочно верила мужу.

Сейчас главное – выдержать натиск Нины Сергеевны.

– Сонечка спит. Все про маму спрашивала. Где мама? Когда придет? Еле заснула, бедняжка. – Нина Сергеевна притворно вздохнула.

– Заснула, и хорошо. А мы, Нина Сергеевна, давайте чаю попьем. Или вы домой?

– Да нет, Валюша, поздно уже. Я и Георгия предупредила, что у вас останусь ночевать. – Она улыбнулась невестке.

Но Валя читала между строк: «Что, хотела от меня избавиться? Не выйдет. Сын мой, квартира моя, где хочу, там и ночую. А ты здесь никто и звать тебя никак».

И что ей все нейдет, так и ищет повода завестись. А сегодня она просто чувствует, что без нее не обойтись. Не зря примчалась и на такси небось потратилась. Ждет своего звездного часа. Не дождетесь, уважаемая.

– Я вам в гостиной постелю. – Валя пошла за постельным бельем, чтобы хоть на какое-то время скрыться из поля зрения свекрови, отдышаться и с новыми силами в бой. А силы ей точно понадобятся, в этом она не сомневалась.

Но судьба была сегодня милосердной. Послышалось ше-

буршание ключа, затем звук открываемой двери, и на пороге появился Костя.

Обе женщины так ждали его появления, что вышли в прихожую одновременно, радостно глядя на вошедшего. Но вид Константина не порадовал ни мать, ни жену. Костик еле держался на ногах, как он дошел до квартиры – одному богу известно.

– Костик? – В голосе Валентины звучало удивление.

– Константин!

Костик пьяно улыбнулся и стал медленно сползать по косяку.

И со словами:

– Муся, я очень хочу лечь, – лег возле порога, свернувшись калачиком.

Мусей Костик звал и Валю, и любимую мамочку. Поэтому обе женщины в едином порыве, одна с удивлением, а другая с обвинением во взгляде в адрес невестки, взяли Константина под руки и потащили в спальню. Когда тело было уложено, свекровь наконец смогла высказать то, что так красноречиво выражал ее взгляд.

– Ну что, дождалась? Конечно, что парню остается делать, когда жена по ночам неизвестно с кем шляется. Пить. Это прямой путь к алкоголизму. Нет, я этого не допущу, хватит. Я долго молчала... – но дальше продолжить Нина Сергеевна не успела.

Валя прервала ее:

– Я спать пошла, белье на диване. Спокойной ночи, Нина Сергеевна. – Валя закрыла дверь спальни, тем самым лишив свекровь возможности допеть свою песню.

На душе скребли кошки. Таким она Костика видела пару раз за всю их совместную жизнь, и надо же было так случиться, что именно в этот вечер свекровь была в их доме. Значит, так должно было случиться. Но об этом я подумаю завтра, и Валентина легла в постель. Завтра будет новый день.

Утро началось с запаха кофе. Валя открыла глаза, и первое, что она увидела, виноватое лицо Костика.

– Валюша, прости за вчерашнее.

– Где Соня?

– Соня рано проснулась, я ее с мамой отправил.

– Как отправил? Куда?

– Пусть пообщаются, погуляют. Короче, они уехали к маме, на Ваську. Вечером заедем. Выходной.

Вале не очень понравилась затея – отправить дочь со свекровью, но заводить спор по этому поводу сейчас она не хотела. Был вопрос, на который она хотела получить ответ еще прошлым вечером.

– Костик, что это было вчера?

– Ты кофе возьми, сделай глоточек. И я тебе все расскажу.

– Короче, приготовься слушать, а я буду тебе вешать лапшу на уши.

– Нет, все, что я тебе сейчас расскажу, правда, хотя

эта правда очень похожа на фантастику. Бери кофе и слушай. И Костик поведал историю, половины Валя не поняла, но услышала она следующее.

– Анькин Шурик познакомил Костю с одним человеком. Что? Кто? Сам Шурик не знал, но сказал, что человек интересуется активными людьми, занимающими не руководящие должности, но с мозгами, на серьезных предприятиях. В сферу его интересов входили фабрики, заводы, автопредприятия. Клуб «Перестройка» (он там не последний человек) продвигает демократические идеи.

– Короче, Валюха, если мы в этот паровоз прыгнем, или пан или пропал. Но если все получится... – Костик не знал, как выразить словами, что будет, если получится, он просто крепко прижал к себе жену и закончил: – У всех все будет хорошо – и у нас, и в стране, и, – он поцеловал ее в макушку, – во всем мире, – закончил он.

– Ну как во всем мире, не знаю, но лично нам, мне и Соне, нужен папа, который будет любить и заботиться.

– Как ты не понимаешь? Это все для вас с Сонькой. Мне одному ничего не надо, вернее, надо, но очень мало. – Он посмотрел на жену, и во взгляде его было что-то незнакомое, чужое и непонятное Валентине.

Разбираться с этим новым Валя не хотела, она хотела получить ответ на вопрос, что или кто заставил вчера Костика бросить ребенка на маму, тем самым спровоцировав неизбежный конфликт между невесткой и свекровью. Это было

сейчас для нее основным, и она ждала. Но Костик продолжал захлеб рассказывать о кооперативе, который ему предложили создать на основе автопредприятия, о перспективах на будущее. Валя смотрела на него, вроде это ее муж и говорит по-русски, но она не понимала ни слова. При этом она слушала внимательно, и, когда Костик закончил, Валя наконец задала свой вопрос:

– Костик, кто этот человек?

– Какой человек?

– Не строй из себя идиота, а из меня дурочку. Тот, который предложил и с которым ты так напился?

– Куприянов.

– Я еще раз спрашиваю: кто он?

Дальше наводить тень на плетень смысла не было. Костик знал, что Валентина видит и вглубь и вширь, скрывать от нее что-либо смысла нет, да и в их семье это не заведено.

– Он из силовых структур. Обещал поддержку на первом этапе.

– Костик, на каком первом этапе? Ты сам всегда говорил, что с этими товарищами лучше не связываться. – Она посмотрела в глаза мужа.

– Ты меня слушала или я стенке говорил? – В голосе звучало не раздражение, а то новое, чему Валя еще не могла найти объяснение и определение. – Риск есть, но небольшой, дальше баранки не сошлют. А если честно, надоело, Валюха, тупо баранку крутить. Хочу мир увидеть и вам с Сонькой

показать. Заживем.

Валя смотрела на мужа. Мальчишка, сколько в нем юношеского задора, желания что-то менять и изменять. Разум говорил, что все у них прекрасно и больше ничего не надо, но сердце подсказывало, что ее Костик может и должен сделать что-то большее, чем просто перевозить людей из пункта А в пункт В, и время для этого настало. Ее задача только в одном – не мешать. И она приняла.

В то утро она сказала ему те самые слова, которых, наверное, ждет любой мужчина:

– Я верю тебе, Костик. Я буду с тобой – как там говорится? – и в радости и в горе. – Валя прижалась головой к груди мужа и не произнесла больше ни слова.

Она еще не предполагала, через что им придется пройти с Костиком и в радости и в горе. И какими они выйдут. Но тогда, в то утро одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, они лежали обнявшись и мечтали о будущем.

Лера суетилась с утра. Прическа, маникюр, лицо надо привести в порядок. Время улетало. Уже три, гостей ожидали к пяти вечера. Подготовка легла на плечи Манефы, все должно быть по высшему разряду. Гости собирались высокопоставленные, и принять их надо в доброй, уютной, домашней атмосфере – это была часть Лериного плана. Она считала, что дома народ станет ближе и роднее, и завтра, когда встанет вопрос о присуждении артисту Олегу Грановскому зва-

ния «Заслуженный артист», это будет восприниматься как для родственника.

В этом, конечно, была своя правда, но сам юбиляр эту точку зрения не разделял. Он считал, что звания даются за заслуги и за роли. Так или иначе, но сегодня в квартире на Фонтанке собиралась номенклатурная элита Ленинградского отдела культуры и пара зарекомендовавших себя режиссеров с «Ленфильма», два ведущих актера из театра с женами. Как выразилась Лера, чтобы несколько разбавить эту скучную публику.

Максимильяна на вечер договорились отправить к соседке. Мальчик долго сопротивлялся, он тоже хотел присутствовать на празднике, даже номер подготовил для папы и очень хотел показать. Лера была непреклонна.

– Ребенку нечего делать там, где собираются взрослые, – строго сказала она сыну.

– Это папин день рождения, и я подготовил сюрприз.

– Покажешь завтра.

– Нет, сегодня. Завтра только вы будете, а я хочу как в настоящем театре. – Малыш топнул ножкой.

– Лерочка, детка, может, пусть Максик сыграет свою сценку, а потом я его к Дарье Михайловне отведу. Ведь мы и костюм приготовили, – вступила в разговор Манефа.

Мальчик почувствовал поддержку и, ухватившись за руку матери, стал ее упрашивать с мольбой в голосе.

Мамочка, милая, пожалуйста, мне очень надо. Я так хочу показать сюрприз для папы.

А я хочу, мой дорогой, чтобы ты немедленно отправился к Дарье Михайловне. И дал мне наконец возможность подготовиться к встрече гостей. Ты понял?

Понял. – Мальчик, понурился, поплелся в прихожую. Может, зря ты с ним так строго, он еще маленький.

Маленькие становятся большими, и я не хочу, чтобы из моего сына вырос хлюпик. Пусть с детства привыкает принимать удары судьбы, – последняя фраза была произнесена громко и пафосно.

Манефа не выдержала, махнув рукой: мол, делайте что хотите, ушла в кухню заниматься своими делами.

В пять было все готово. Стол, как говорится, ломился от закусок. Благодаря стараниям Манефы и при участии Людмилы Николаевны, Аниной бабушки. Здесь были все изыски, начиная от бутербродов с черной и красной икрой, маленькими канапе с осетриной и заканчивая традиционной селедкой под шубой, салатом оливье, солеными огурчиками и еще множеством домашних заготовок, приготовленных заботливыми руками хранительницы дома Манефы. На горячее был молочный поросенок, который томился в духовке и ждал своего часа, распространяя неповторимый запах по всей квартире.

Из спальни вышла Лера, она источала нежнейший аромат

духов.

На ней было нежно-бирюзовое платье с глубоким декольте и вырезом на спине, волосы свободно спадали на плечи, завершали картину нитка натурального жемчуга и белые туфельки на высоком каблуке.

– Ну как я вам? – Она покрутилась перед Манефой, вытирающей руки полотенцем.

Из кабинета вышел Олег.

– Ты, как всегда, мой ангел, выше всяких похвал. – Олег пытался завязать галстук, но у него не получалось. Он заметно нервничал.

– Ты что так волнуешься?

– Да не нравится мне вся эта затея, придут в дом незнакомые люди. Как себя вести, о чем говорить? И вообще, сорок лет, как я слышал, не отмечают. Примета плохая.

– Ты же актер, Олежек, а в приметы я не верю. Положись на меня. – Лера улыбнулась мужу. – Ты именинник, сиди наслаждайся. – Она подошла к Олегу и взяла галстук из его рук. Пара ловких движений, и галстук был завязан. Раздался звонок. Последний взгляд в зеркало, улыбка. И Лера пошла открывать первым гостям.

Пришли все приглашенные. И вечер, несмотря на сборную солянку, вполне удался. Частично благодаря вкусной еде, которую наперебой хвалили все, но в первую очередь благодаря хозяйке, которая искусно развлекала, соединяла

и обхаживала гостей.

Вечер подходил к концу, когда неожиданно раздался звонок в дверь. Лера пошла открывать. На пороге стояла Аня с большой коробкой в руках.

– Вот, – она протянула коробку Лере, – это бабушка просила передать подарок Олегу. Торт специально на заказ. Хотели раньше отдать, но там что-то не получилось. – Девушка смущалась.

Да и Лера испытывала неловкость, ведь она обещала позвать Аню на праздник, но в последний момент переиграла.

– Проходи, Олег с гостями. – И она жестом пригласила девушку пройти в квартиру.

– Нет-нет. Я на секундочку, у меня Полинка с бабушкой, а бабушке надо домой.

– Не отпустим, без чая не отпустим, – в прихожую вышел Олег. – Проходите, Анечка, в гостиную, у нас весело.

И он стал снимать куртку с плеч девушки.

Аня еще больше смутилась. Одета она была, как всегда, в удобные джинсы и свитер, выглядело это совсем не празднично. Но Олег уже тихонько подталкивал ее в сторону гостиной.

– Вот знакомьтесь. Это Аня – сладкая фея. – Олег взглянул на девушку с улыбкой. – Аня принесла торт, пока не съедим, из-за стола никто не выйдет.

Манефа расставляла чайный сервиз. В комнату с тортом, на котором горели свечи, вошла Лера. Кто-то из мужчин

изобразил импровизированный туш, Олег задул свечи, и все приступили к чаепитию.

Аня сидела на краешке стула, все еще испытывая неловкость и готовая сорваться и уйти домой. Этому ей хотелось больше всего на свете. Она толком даже не рассмотрела гостей, сидела, уткнувшись взглядом в чашку, и выжидала удобную минуту покинуть праздник. Бабушка ее просто вытолкала, сказала: иди поздравь. Лера так ее охмурила, что обычно такая строгая бабуля растаяла, как пластилин в горячих руках. Весь месяц Аня что-то носила и передавала «для Лерочки».

– Вы что такая задумчивая, сладкая фея?

Аня подняла глаза, голос принадлежал молодому мужчине, сидевшему справа от нее.

– Давайте знакомиться. Меня Дмитрий зовут, можно Митя, а вас, как я услышал, Аня.

– Да, Аня, но извините, Дмитрий, мне бежать надо. – Девушка уже собралась встать, но Митя взял ее за руку и, глядя прямо в глаза, как будто гипнотизируя, произнес:

– Мы уйдем отсюда вместе. А сейчас мы соблюдем приличия, выпьем чай, попробуем торт, попросаемся с хозяевами и уплывем в волшебную ночь.

– Меня бабушка и дочь ждут, – сразу определила границы Аня.

– Замечательно, вот именно к ним я вас, сладкая фея,

и препровожу, – сказал он, очаровательно улыбаясь.

Аня взглянула на Митю, внутри что-то щелкнуло, как тумблер в радиоприемнике. Щелк. И реальный мир, только что такой враждебный, как казалось Ане, превратился в сказочный и его населяли добрые персонажи, ей вдруг стало легко и спокойно рядом с этим незнакомым Дмитрием.

– Как вам такое предложение? Я жду вашего согласия.

– Я согласна, – Аня выдохнула так, будто согласилась по меньшей мере прыгнуть с парашютом.

Соблюдя приличия, как выразился Митя, они посидели минут пятнадцать и распрощались с хозяевами дома. Лера успела шепнуть подруге на ухо:

– Холостой перспективный режиссер.

Аня сделала вид, что не услышала слов подруги.

Они вышли на набережную. С реки задувал холодный осенний ветер. Дмитрий, не спрашивая разрешения, обнял девушку за плечи и крепко прижал к себе:

– Боюсь, что фею унесет злой северный ветер, а я не успел познакомиться. Вы, Анечка, работаете, учитесь?

– Работаю в проектном бюро. Коробки перечерчиваю, как говорит мой муж.

– Значит, у феи есть эльф?

– Не знаю. Вроде есть, а вроде его и нет. Эльф, одним словом. – Девушка улыбнулась. Она представила своего Шуррика в виде эльфа, перелетающего с одной травинки на другую,

а вокруг все недруги так и норовят бедного Шурика-эльфа уничтожить.

– И ей стало весело.

– Вам в какую сторону?

– Мне за угол, на Пестеля. Мы с Лерой соседи.

– А мы с Лерой почти коллеги. Я работаю на «Ленфильме».

– Вы режиссер?

– Ну не совсем режиссер, больше помощник режиссера, а по специальности – оператор. Короче, вся киношная кухня на мне. Сразу скажу, знаю многих, был участником и еще много-много всего интересного могу вам, Анечка, рассказать. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так?

– Так.

– Тогда приглашаю вас на экскурсию в любое удобное для вас время, а для этого позвольте записать ваш телефон. – Дмитрий достал из внутреннего кармана плаща записную книжку и выжидательно посмотрел на Аню.

Девушка молчала, она была в растерянности. Ничего сверхъестественного, мужчина просит телефон, чтобы пригласить ее на экскурсию, всего лишь рассказать и показать, как делают кино. Что здесь такого? Это не свидание. Аня не была искушенной в амурных делах и все приняла за чистую монету, или ей так показалось, что она и правда верит, что ее приглашают на экскурсию.

– Записывайте. – И она продиктовала номер.

– А еще предлагаю перейти на ты. Ты не против? На брудершафт можно и не пить.

– Я попробую, хотя не обещаю. У меня с этим сложности, с кем-то сразу, а с кем-то надо время.

– Если надо, я могу и подождать, – последнюю фразу Митя произнес, близко склонившись к лицу девушки, обдав ее запахом коньяка.

Аня смутилась и в то же время почувствовала, как сердце заколотилось и стало жарко. Они подходили к ее дому, вот спасительная арка, в темноте огромного двора горит одинокий фонарь.

– Вот я и дома. Спасибо, Дмитрий, что проводили. – Она старалась говорить сдержанно, но давалось ей это с трудом.

– До встречи, Анечка. – Мужчина слегка коснулся губами ее щеки.

Аня вошла в парадную, ее трясло. Она взлетела на третий этаж и замерла возле дверей, ей надо прийти в себя, она не может войти в дом, ей казалось, что все, что с ней только что произошло, можно прочесть на ее лице. Ей было радостно и одновременно стыдно. За что? Что такого случилось? Обычный мужчина, обычные слова и знаки внимания. У них, среди богемы, так принято. Почему она так разволновалась? Это было что-то совсем новое и неведомое.

Глава 3

*Шел одна тысяча девятьсот девяносто первый год.
Сентябрь.*

– Ну что? Я тебе говорила. Кому нужен твой Гамлет, людям есть нечего, и нам, кстати, тоже. – Лера была в ударе. – Предложили сыграть гея – играй, ты – актер, Олег.

– Этого не будет никогда, запомни, я с шапкой в переходе стоять буду, но играть это? – Олег изобразил на лице гримасу отвращения. – Играть это – никогда.

– Ах какие мы чистенькие и незапятнанные. Ты не профессионал, Олег.

– Думай как хочешь, мне все равно.

– А тебе уже давно все равно, вот поэтому и сидишь без ролей и без денег.

– Нет, Лера, как ты не понимаешь, что есть черта, через которую переступать нельзя.

– Нет такой черты, Олег. Эту черту мы рисуем сами, когда нам это выгодно. Тебе сейчас выгодно быть таким. Вот и черта.

– Что ты от меня хочешь?

– Я лично ничего, но есть ребенок, и ему много чего надо. Начиная от ботинок и заканчивая образованием.

– Образование у нас, слава богу, в стране бесплатное.

– Вот такое бесплатное образование он и получит, вопросов потом не задавай. Почему? У Валентины Сонька поступила в бесплатную музыкальную школу. Спроси у нее, сколько стоит эта школа.

– Сколько?

– Я же сказала – спроси, шестнадцатого собираемся, и задай вопрос. А девочка талантлива, играет на скрипке, слезы на глазах.

– Лера, у тебя слезы? Трудно поверить. – Олег усмехнулся.

– А мне тоже все равно, веришь ты моим слезам или нет. Лера вышла из комнаты.

Осень. Она с удовольствием вдохнула свежий осенний ветер. В голове звучали слова Олега, брошенные ей вслед. О том, что настоящий актер всегда думает о роли, которую он исполняет, а не о деньгах, которые получит. Значит, она, по его мнению, не настоящая актриса?

Лет десять назад она думала о славе и признании. Но не случилось. Ни слава, ни признание к ней не пришли. Была одна роль, по отзывам критиков, удачная, дальше этого не получилось.

Она всегда подозревала, что Олег относится к ее карьере актрисы с некой долей сомнения, она не раз слышала от него, что это не твое, не для тебя. «А что для меня?» – спрашивала она. Муж пожимал плечами, давно могла догадаться, что от него помощи не дождешься, мужчины всегда дума-

ют только о себе. А ведь был у нее шанс, но она сделала тогда выбор. Так захотел Олег, и вроде так положено, она ведь женщина. Кем положено? Обществом? Таких же загнанных в свою обусловленность людей.

Теперь каждый за себя. Больше я не буду слушать советов, надо хвататься за все и за всех, кто может помочь, сидеть и надеяться на Олега – смысла никакого. У него принципы. А у Леры принципов нет.

С этой мыслью Лера зашла в телефонную будку, достала записную книжку и открыла на букве «М». Страница была исписана телефонами, адресами, но ей нужен был один единственный телефон. Есть. Мироненко Леонид Павлович.

Хотя после их последней встречи прошло два года. Он попросил больше не звонить, Лера не звонила. Но сегодня она настроена решительно, ей терять нечего, роль Жар-птицы, которая три раза вылетает на сцену, ей всегда обеспечена.

Она набрала номер. Длинные гудки, ответа не было. Лера повесила трубку, забрала монету. Не состоялось. Кому еще можно позвонить?

Домой возвращаться не хотелось. И она набрала следующий номер.

– Аня? Здравствуй, дорогая. Поговорить надо. А что с голосом? – Ответ ее не очень волновал, поэтому сразу прозвучало: – Я сейчас приду.

Лера вышла из телефонной будки и направилась в сторону дома с аркой и кованым фонарем на цепи. Фонарь мирно по-

качивался под порывами ветра. Двор был длинный, похожий на пассаж. В вечернем сумраке выглядел он величественно.

Старый петербургский двор многое пережил и многое видел. Фонарь – как немой участник и друг, они были неразлучны. По ночам они вспоминали. Фонарь скрежетал и слышал в ответ то тихий шелест осенней листвы, то завывание февральской вьюги.

Вот уже два столетия продолжается их ночной диалог.

Двери открыла Анна с заплаканными глазами.

– Ты одна дома?

– Нет, с Полинкой, она уроки делает.

– Это хорошо, что только Поинка. Мне вообще-то надо твоим телефоном воспользоваться. Разрешешь?

– Конечно, зачем спрашивать.

– А то с улицы звонить, сама понимаешь, а из дома не хочу. У нас там одни принципиальные. – Лера усмехнулась. – Ему, видите ли, пьеса про гомосексуальные отношения не нравится.

– Какие отношения?

– Про геев, короче.

– А, про геев. Тебе предложили роль?

– Аня, ты с луны свалилась? Я же тебе сказала: пьеса про геев. Написана и спонсируется людьми нетрадиционной ориентации – гомосексуалистами.

– Теперь понятно. И что?

– А то, что роль предложили Олегу, за очень хорошие деньги.

– И что?

– Да что ты все – и что и что? Тебе, я вижу, тоже неинтересно.

– Да нет, почему же, – сказано это было тусклым голосом, и в нем действительно отсутствовал интерес.

– Что ты как вареная? Случилось что?

– Да. Шурик уезжает.

– Куда?

– В Америку. – Аня отвернулась к окну, слезы набежали на глаза. Она не хотела плакать перед подругой, но сдерживаться больше не было сил.

– Да ты что? Какой ужас. С кем?

В ответ Аня расплакалась. Лера не умела успокаивать, она просто села на стул и стала молча ждать, когда слезы закончатся и можно будет разговаривать. В кухню вошла Полина. Синий бант на голове, в школьной форме, серые глазички внимательно посмотрели сначала на мать, потом на Леру.

– Почему мама плачет?

– А почему ты в школьной форме? Вечер на дворе.

– Мама сказала, чтобы я шла в свою комнату и не выходила оттуда. Вот я и не переделалась. А что с мамой, тетя Лера?

– В глаз что-то попало, пойдем. Сейчас пройдет. – Она тихонько подтолкнула девочку к дверям.

Аня стала успокаиваться, встала, налила воды из-под кра-

на и вновь села, уронив голову на руки. Когда в кухню вернулась Лера, девушка молча смотрела в одну точку, но взгляд ее не был растерянным, в нем читалась злость.

– Я ему отомщу, он сто раз пожалеет. Ненавижу.

– И правильно. Я сейчас позвоню одному знакомому. – Лера загадочно посмотрела на Аню и вышла в коридор.

Аня осталась на кухне и слышала разговор только обрывками, похоже, Лера нашла благодарного слушателя, разговор о гомосексуальном спектакле и о принципах Олега звучал очень эмоционально.

Аня прокручивала в памяти все, что сегодня произошло. Шурик встретил ее с работы, хотя они и не договаривались, Аня была приятно удивлена, но еще больше ее удивило приглашение посидеть в кафе. А на ее вопрос: «Кто заберет Полю с продленки?» – Шурик убил наповал, ответив, что мама.

«Но ведь она даже не знает, где находится школа». – «Я ей объяснил, – был ответ. – Пойдем, нам очень нужно поговорить вдвоем, дома я не хочу».

Они зашли в кафе на углу Некрасова и Литейного, когда-то это было их кафе, здесь еще в их студенческие годы в алюминиевых креманках давали взбитые сливки с шоколадной крошкой. Не было на всем белом свете ничего вкуснее. Сейчас кафе продолжало существовать, но сливок в нем не было, зато были бутерброды и много импортных, с неизвестными Ане названиями на этикетках, бутылок.

Молодые люди сели за крайний столик возле окна, зака-

зали по чашке кофе. И дальше последовал пространный рассказ или доклад о политической ситуации в СССР, а может, уже и не в СССР. Об опасностях, которые подстерегают на каждом шагу, и что неизвестно, чем все закончится. «А что – все?» – прозвучал вопрос Ани. На что был ответ, опять очень пространный, что это безнравственно, вот так относиться к событиям, происходящим в стране, в которой живешь.

Аня слушала и ничего не понимала. «Опять ходил на какой-то митинг», – подумала девушка. События августа были еще очень свежи.

Шурик, конечно, был в гуще всего происходящего. Ночь он провел на Дворцовой, а утром, когда Аня собиралась на работу, пришел к ней отсыпаться, сказав, что до Московского он не доедет, свалится по дороге. Вечером его уже не было. Аня понимала, как для него это важно, и с лишними вопросами не приставала. Она радовалась любому появлению мужа, хоть и бывшего, но это только в паспорте, а так Аня свято верила, что у них с Шуриком такая семья. Не у всех все одинаково, вот в природе нет повторений, и у них нет, и их любовь за столько лет не погасла. И вот сейчас, сидя напротив Шурика, она просто слушала, не вникая в то, что он говорил, она наслаждалась моментом. Сейчас Аня не могла вспомнить, что заставило ее слушать и наконец услышать то, что говорил муж, бывший муж.

– Это недалеко от Канады. Мы специально выбрали это

место, чтобы и родителям, и Борису Наумычу не так тяжело было привыкать. Там природа и климат очень схожи с нашими. Березки, сосны, но все, конечно, намного лучше, и экология и вообще. – Он выжидательно смотрел на Аню.

– Шурик, какая Канада и при чем здесь родители? И кто такой Борис Наумыч?

– Ты, Аня, как всегда, не слушаешь. Повторяю, мы уезжаем с родителями в Америку.

– А кто такой Борис Наумыч? И почему он тоже едет с вами? – Аня растерянно смотрела на Шурика.

– Борис Наумович... – Шурик замялся на секунду и опять заговорил быстро и энергично: – Ну, помнишь я тебе рассказывал. Три года назад в Таврическом, общество «Память». Вспомнила?

– Вспомнила. И что?

– Борис Наумович, Ирочкин папа. А Ирочка моя жена, уже полгода, и мы ждем ребенка. Я хочу, чтобы этот ребенок родился в свободной стране...

Аня встала и молча вышла из кафе. Шурик нагнал ее на переходе. Горел красный.

– Но послушай, я же не отказываюсь от Полины, как только устроюсь, буду помогать. Я же не подонок какой-нибудь?

При этих словах Аня резко остановилась и посмотрела прямо в глаза бывшего мужа:

– Полину приведи домой.

На светофоре зажегся зеленый свет, и Аня перешла

на другую сторону улицы.

Шурик смотрел ей вслед, он понял, что на сегодня разговор закончился, и с облегчением вздохнул.

Аня сначала шла быстрым шагом в сторону дома, а затем побежала. В голове стучало и гремело, она не могла сосредоточиться, мысли разбегались в разные стороны. Девушка бежала, пока не стала задыхаться, остановилась и огляделась вокруг. Она была возле Михайловского замка, на Кленовой аллее. Присела на скамейку. Надо сосредоточиться, нет, не получается. Одна единственная мысль, которую она могла осознать в данную минуту, а вернее, вопрос: «Как я буду жить без него?»

Как она очутилась дома, Аня вспомнить не могла. Потом Поинка с вопросами дергала ее за руку, потом позвонила Лера, и вот она на кухне, а из коридора слышится голос Леры, она настойчиво о чем-то спрашивала.

– Анюта, скажи свой адрес.

– Пестеля, восемь-два, квартира двенадцать, – на автомате проговорила девушка.

– Так, записывай. – Лера продиктовала адрес и добавила: – Привези что-нибудь выпить. Здесь некоторым, – она понизила голос, – очень требуется стресс снять.

Лера закончила разговор и вошла в кухню. Аня сидела все в той же позе, тупо уперев взгляд в столешницу.

– Все, хватит страдать. Поину надо накормить и спать уложить. Сейчас к нам гости приедут. Будем с тобой, подру-

га, стресс снимать. Глядишь – жизнь и наладится.

Аня не отреагировала.

– Понятно. Сделаю все сама. – Она пошла в комнату за Полиной.

Где-то через час в квартире Ани раздался звонок.

– Сиди, я открою. – Лера поправила волосы и заспешила к дверям.

Из коридора раздались мужские голоса вперемежку с Лериным смехом.

– Здравствуйте, моя сладкая фея, – прогудел мужской голос где-то совсем рядом.

Аня очнулась и подняла глаза, прямо над ней, чуть склонив голову набок, стоял высокий мужчина лет тридцати пяти, с начинающейся сединой на висках. И улыбался Ане самой обаятельной улыбкой.

– Вижу, вспомнили, а если не вспомнили, познакомимся еще раз. Дмитрий, можно Митя. – Он протянул девушке руку, продолжая улыбаться. – Помнится мне, что в прошлый раз мы перешли на ты, правда, на брудершафт решили не пить. Сегодня предлагаю исправить ошибки прошлого. – Он поставил на стол бутылку шампанского и черешневый компот.

Аня молча слушала, наблюдая за происходящим. В кухню вошли Лера и еще один незнакомый мужчина. Мужчина был не такой веселый, как его товарищ, и внешне он был полная противоположность Мите. Плотный, невысокий, нос набок,

как потом выяснилось, сломанный в неравном бою.

– Анатолий, – произнес мужчина и без приглашения сел на свободный стул.

Валентина подошла к окну, напротив висит фонарь. Сколько лет она смотрит в это окно в кухне? Десять? Почти десять лет. Это много и мало одновременно. Соньке восемь – это немного. Они с Костиком уже пятнадцать лет вместе – это много. Все очень относительно в этой жизни. Соня болеет, время тянется очень медленно, от- пуск проскочил, даже не заметила. А если вся жизнь вот так проскочит?

Что за мысли ей сегодня в голову лезут? А все этот звонок.

Звонок прозвучал вечером, ближе к девяти. Вся семья была дома, что последнее время было скорее исключением, чем правилом. Костик листал газету, а Валя с Соней разучивали гаммы.

Соня играла на скрипке. Пришли поступать на фортепьяно, но фортепьяно оказалось не для всех. Для всех, это у которых, как выяснилось, абсолютный слух, была как раз скрипка. Валя смотрела на это скептически, видимо, по классу струнных был недобор, и она не далека была от истины. На фортепьяно был конкурс из блатных, а на струнные действительно можно было поступить. И они поступили. И вот уже два года Соня училась в престижной музыкальной школе имени Рахманинова.

Звонок прервал очередной Сонин пассаж.

– Играй, Сонечка, не отвлекайся. – Валентина стряхнула дремоту, которая одолевала ее, как только дочь начинала играть гаммы, встала с дивана и хотела снять трубку, но Костик опередил ее, буквально выхватив из рук.

– Да, я слушаю. – Молчание, на том конце провода что-то говорили. – Сейчас подъеду. Костя положил трубку на рычаг и еще некоторое время в задумчивости молча глядел на аппарат.

Жена и дочь смотрели на Костю. Он повернулся в их сторону, на лице была безмятежная улыбка.

– Ну что, рыбы мои, затихли? Почему тишина в доме? Папа пошел деньги зарабатывать. – И он поочередно поцеловал сначала Соню, потом Валентину.

Вторая смотрела на него вопросительно.

– Костик, куда? Белый дом взяли две недели назад, теперь-то что?

– А теперь пожинаем плоды демократической революции, решенные почти мирным путем. – Костик продолжал улыбаться, но взгляд его был очень серьезным, и Валентина, зная своего мужа, видела, что мыслями он уже в другом месте. – Думаю, это не надолго.

Прошло три часа, Костика не было. На дворе полночь. Уснуть Валя не могла. Всякие мысли лезли в голову. И про женщину в том числе.

Под окнами проскрипел последний троллейбус, до шести

утра будет тишина. На сердце беспокойно, каждая минута растягивается в бесконечность. Часы тикают, а стрелки как будто застыли на месте. Время остановилось.

Окна выходят на проезжую часть, и машину Костика, с какой бы она стороны ни подъехала, Валя увидит сразу. Но в дверях неожиданно заскрежетал ключ, и женщина кинулась в коридор.

В дом заходил Костя.

Она встала в проеме дверей, молчала в ожидании. Муж был сосредоточен.

– Как дела, Костик? Костик не ответил.

– Костик, ты меня слышишь? Ты меня видишь? – Валя встала прямо перед мужем и махнула рукой перед глазами.

– Валюш, я так устал. Давай завтра. Завтра я тебе все расскажу. А сейчас спать, спать, спать – это мое единственное желание.

Но утром разговора не получилось. Все проспали, и в утренней суматохе было не до разговоров. После школы в музыкалку с Соней, потом уроки. Часы показывали девять вечера, суматошный день заканчивался.

Костя вернулся с работы, когда Соня уже спала. Валя сидела в кухне с остывшей чашкой чая.

– Ужинать будешь? – как всегда, задала она традиционный вопрос, на который никогда не ждала ответа. Встала, по-

дошла к плите, включила горелку. – Иди руки мой.

– Я ужинать не буду, Валюша.

– Валентина вопросительно посмотрела на мужа:

– Костя, что происходит? Мне кажется, я могу знать?

– Конечно, можешь, только сказать мне пока нечего.

– Как нечего? Ты пропадаешь, приходишь под утро и считаешь, что говорить не о чем?

– Валюш, ты пойми, я сам пока не разобрался что к чему.

Но поверь, тебе беспокоиться не о чем. Ты, главное, Соней занимайся, а с остальным я сам разберусь. – Он погладил жену по руке.

Валентина уже поняла: сегодня она ничего от Костика не добьется. За пятнадцать лет совместной жизни она понимала мужа с полуслова. Костик был человеком дела, пока не сделает, говорить об этом не будет. Придется ждать и верить, но тревога поселилась в сердце. Как оказалось – на долгие годы.

Собирались у Ани. Всем удобно. Валя с Соней после музыкальной школы, Лера после репетиции, Макса Манефа обещала привести, ну а хозяйка вообще выходить из дома не хотела.

Первыми пришли Валя и Соня. Девчонки сразу пошли в Полину комнату, у них уже были свои секреты и разговоры. Подруги удалились в кухню.

– Соня такая серьезная.

– Да, вся в отца. Как начнут думу думать, слова не до-
бьешься, – Валя улыбнулась.

Как и любая мать, она гордилась своим чадом. Чадо пода-
вало надежды. Сегодня на занятие пришла какая-то незна-
комая дама. Она внимательно наблюдала за игрой Сони, по-
том у них был разговор с Людмилой Сергеевной при закры-
тых дверях.

Их попросили подождать, затем пригласили Валентину.
Речь была приблизительно о следующем. Девочка способ-
ная, но если вы, родители, хотите добиться результата, на-
до: первое, много заниматься, второе, нужен другой инстру-
мент, другой смычок и репетитор. Вы готовы? Конечно, го-
товы, Валентина была на седьмом небе. Тогда через год, кон-
статировала дама, которую звали Ольга Григорьевна Шапи-
ро, ваша дочь будет играть на сцене капеллы.

Сердце у Валентины выпрыгивало от счастья, ее дочь
на сцене капеллы, так хотелось поделится новостью в первую
очередь с Костиком. Он будет счастлив.

– Анечка, можно я позвоню? У нас такая радость сегодня,
хочу Костю обрадовать, – не дожидаясь ответа, Валя пошла
в коридор.

Аня присела на стул возле стола, хоть у кого-то радость.
Достала из пачки, лежащей на столе, сигарету, зажигалка,
как всегда, запропастилась, и девушка прикурила от газовой
горелки, в задумчивости подошла к окну и открыла форточ-

ку, подул свежий ветерок.

– Аня, ты что, куришь? – В кухню вернулась Валя.

– А ты что, уже позвонила? – Вопросом на вопрос ответила девушка.

Валентина подошла к окну и встала рядом, внимательно посмотрела на подругу:

– Да нет, просто дома никого нет. Позже позвоню. Колись, подруга, что случилось? Я же вижу: ты сама не своя, и сигареты эти, брось ты эту гадость, пока не поздно. Тебе еще детей рожать.

– От кого? От святого духа? – Аня усмехнулась.

– У тебя, слава богу, муж есть какой-никакой.

– Вот именно – никакой. И не мой он. Был муж и весь вышел. – Аня нервно затаилась.

– Не поняла? Куда вышел?

– Судя по последним данным, в сторону Америки пойдет. Дружно взявшись за руки с мамой, папой и новыми родственниками.

– Какими родственниками? – Валя была в растерянности.

– С женой и ее отцом, кем он там ему приходится? Никогда не могла запомнить эти клички, свекром, наверное.

– Тесть. – Валентина медленно села на стул.

Раздался звонок. Аня потушила сигарету и пошла открывать дверь. Это пришла Лера.

– Моего еще не привели?

– Нет.

– Прекрасно, хоть отдышусь. Сигареты есть? В кухне она увидела Валю.

– Та-ак, судя по лицу вашему, мадам, ты уже знаешь.

– Лера, хоть ты мне объясни, что произошло?

– А то и произошло. Ускакал наш птенчик в другое гнездышко. Там, видно, потеплее и посытнее. Америка, одно слово.

– Действительно в Америку? Я думала, она шутит. – Валя кивнула в сторону Ани. – А ты что молчишь? Что делать будешь?

– Валюш, давай не сейчас. Сегодня мы собрались по другому поводу, вот и давайте про детей. Что там у вас за радость?

Но Валя не успела ответить, Лера затрещала, как из пулемета:

– Вот у меня просто ужас какой-то, а не ребенок. Села с ним делать русский. Слово «объединение». Он умудрился все гласные пропустить, кроме первой. Я ему говорю, скажи по буквам. По буквам говорит. Пиши. Пишет опять одни согласные. И так пять раз подряд. Я подумала, он так изошренно надо мной издевается. Нет. Вчера в школе учительница подошла и говорит, что у Макса проблемы, название какое-то сложное сказала, я не запомнила. Говорит, надо заниматься с логопедом, иначе потом совсем все плохо будет. При чем здесь логопед, не поняла, вроде он буквы все выго-

варивает.

– Это называется дисграфия, сейчас многие дети этим страдают. Так что надо обязательно со специалистом заниматься. У Сони в классе тоже есть такой мальчик.

– Хорошо вам, у вас девочки. Девочки всегда умнее, с ними проще. А здесь бандит какой-то растет. Дерется, теперь еще и в дураки запишут. У нас в школе это быстро – ярлык повесят, на все десять лет хватит.

Раздался звонок в дверь.

– Все, пришел, – прозвучало, как приговор. Лера потянулась за следующей сигаретой.

Аня открыла входную дверь, на пороге стояла Манефа и держала за руку рыжеволосого мальчика с зелеными глазами, лучезарной улыбкой и букетом цветов.

– Здравствуйте, тетя Аня. Это вам. – Мальчик протянул букет. – А где девочки?

– Они у Поли в комнате, проходите. – Аня жестом пригласила в комнату.

– Спасибо, Анечка, за приглашение, – Манефа заторопилась, – я домой побегу, дел еще столько. Олег на съемки уезжает, надо его собрать. – Она собралась уходить, но вспомнила и задержалась уже на пороге: – Вот зонтик, Лерочке передайте, а то вдруг дождь пойдет, а она, как всегда, без зонта.

– Конечно, не беспокойтесь, Манефа... – Аня запнулась, потому что не знала отчества, но женщина ее уже не слы-

шала, внизу хлопнула входная дверь. Еще несколько секунд Аня стояла перед дверью в задумчивости, потом медленно закрыла и почти сразу услышала крик. Кричали в два голоса Поля и Соня.

Когда все три матери почти одновременно влетели в комнату, они застали следующую картину. Все с той же обворожительной улыбкой милый рыжеволосый мальчик держал в руках что-то отдаленно напоминающее куклу Барби, подаренную Поле на день рождения бабушкой. Руки и ноги у куклы отсутствовали, частично они были в руках у Полины. Соня плакала, сидя на полу.

– Ты что, совсем с ума сошел? Зачем тебе эта кукла? – Лера накинулась на сына.

– Я хотел проверить.

– Что?

– Что у нее там внутри.

– Экспериментатор. Дай сюда. – И она взяла часть куклы из рук сына.

Аня и Валя молча наблюдали за происходящим. Полина подошла к Соне и стала ее успокаивать.

– Не плачь, Соня, у меня есть еще одна, из бумаги, у нее больше одежды, как у настоящей принцессы платье, я сама нарисовала. Пойдем, я тебе покажу. А ты, – она посмотрела на Макса, – к нам не подходи. – Она отвернулась от мальчика.

Матери наблюдали, даже Лера замолчала. Соня перестала плакать и подошла к Максусу.

– Ты не расстраивайся, она не умерла. Мой папа ее почитит. Пойдем с нами. – Она взяла мальчика за руку.

– Пошли, девочки, в кухню, дети и без нас разберутся.

Дальше вечер проходил в дружеской обстановке. Девочки на кухне выпили мартини за здоровье детей. Аня немного расслабилась и поплакала, Валя ее по-матерински пожалела. Лера, как всегда, сказала, что все мужики... Несколько раз звонил телефон, Аня отвечала: «Ее нет дома». Валя, наоборот, звонила домой, и похоже, у нее тоже никого не было дома. Дети вели себя спокойно.

Разошлись поздно. Завтра выходной.

Пообещали звонить друг другу чаще, а лучше – встречаться.

Конечно, никто и не подозревал, как быстро они опять встретятся.

Валя вошла в квартиру. В гостиной горел свет, работал телевизор. Костик смотрел футбол.

– Рыбы мои пришли. – Он с радостной улыбкой приветствовал своих девочек.

– Костик, я весь вечер тебе звонила. Где ты был?

– Я? – Костик искренне удивился. – Дома, ну, может, в магазин выскакивал.

– Костик, какой магазин?

– Ну ведро точно выносил. Все, Валюш, допрос закончен.

Что там у вас, как ваш девичник?

– Девичник хорошо. Шурик в Америку намылился, Олег гея играть не хочет. А наша Сонька – вундеркинд.

– Вот про вундеркинда поподробнее. – Костик сел напротив жены и приготовился слушать.

В это время в дверях показался сам вундеркинд.

– Папа, ты Полине Барби купишь?

– Иди сюда, рыба моя. – Отец протянул руки к девочке. –

Расскажи-ка мне, что у тебя на занятиях сегодня было?

– Не знаю, тетя приходила. Людмила Сергеевна хвалила.

Костя посмотрел на жену.

– Хвалила, хвалила. Не захвалить бы.

Разговор был прерван телефонным звонком. Трубку снял Костя.

– Записываю. – Он взял блокнот и ручку, лежащую на столике. – Завтра, в девятнадцать ноль-ноль. Договорились.

Валентина даже не стала спрашивать: что, где и когда?

Но в сердце уже поселилось сомнение.

Супруги еще посидели, Валя в подробностях рассказала, что говорили про Сонечкино будущее, и про Леру с ее новым ухажером, и про Шурика с его новыми родственниками.

– Ну что, рыба моя, спать пойдем? Завтра новый день, к нему надо подготовиться.

– Завтра выходной.

– Значит, будем выходить. – Он улыбнулся.

– Куда?

– Шучу я, рыба моя. Будем дома сидеть и смотреть телевизор.

– Как скажешь, – Валя посмотрела на мужа с недоверием.

Новый день готовил супругам Терентьевым сюрприз, и не один.

С утра Валя, одетая в футболку и джинсы, драила квартиру, благо никто не мешался под ногами. Отец и дочь с утра уехали в зоопарк смотреть на новорожденного жирафа. Делала она это с удовольствием. Раньше намывала операционную с не меньшим рвением, теперь отрывается дома.

С работы ей пришлось уйти два года назад. У Костика тогда закрутилось с кооперативом, появились лишние деньги, Соне потребовалось внимание. В школу отправить, из школы встретить, потом в музыкалку. В общем, скучать некогда, вот Костик и сказал: занимайся ребенком, а работа подождет.

Валентина вообще все делала с удовольствием, смешно сказать, не любимая многими гладка доставляла ей эстетическое наслаждение, когда выглаженное, пахнущее горячим утюгом белье она складывала в аккуратную стопочку, а затем переносила эту стопочку в шкаф, в сердце ее звучала песня. А мытье окон? Короче, утро у Вали задалось. Гостиная, прихожая, кухня, все рассчитано. И займусь обедом.

Подтягивая пылесос за шланг, женщина продвигалась в сторону коридора, на ее пути возникли пуфик и столик, на столике лежал листок, на котором Костик вчера что-то записывал. Сработало женское любопытство, и Валя развернула лист и прочитала: «Гостиница «Москва».

19.00. Куприянов». С листком в руках Валя присела на пуфик. В голове всплыла фраза, брошенная вчера Лерой, про птенчика, который ускакал в другое гнездышко. Нет, у нее с Костином, конечно, все не так, уговаривала себя Валя, но червь сомнения уничтожал здравый смысл. И в ней победил мудрец, который когда-то давно сказал: «Доверяй, но проверяй». И нет здесь ничего плохого, я должна увидеть собственными глазами, что это Куприянов, а не какая-нибудь Куприянова. Убедившись в правильности своих намерений, Валентина стала выстраивать план, как осуществить задуманное.

Первый и главный вопрос – Соня. Где и с кем?

В голове пустота, не свекровь же просить, в самом деле. Соседка по площадке выручала иногда, но сегодня не тот случай.

Раздался телефонный звонок. Звонила Аня сообщить, что вчера в ее доме забыта папка с нотами. Аня. Ну конечно, она, и как сразу не додумалась.

– Аня, как здорово, что ты позвонила. – На другом конце воцарилось молчание, Аня не поняла бурной радости приятельницы. – Мне помощь твоя нужна. – Валя вкратце обри-

совала ситуацию.

Аня внимательно слушала, потом вынесла свой вердикт:

– Пойдем вместе, а детей оставим Лере.

– Да ты что, мы их потом с фонарем искать будем.

– Но тебя Костик сразу вычислит, и все коту под хвост.

Это аргумент.

Валентина не хотела ставить ни себя, ни Костика в дурацкое положение.

– Давай попробуем, – согласилась она. – Только Лерке сама звони, боюсь, у меня плохо получится.

Минут через десять телефон зазвонил вновь.

– Договорилась, но Лера заявила, что в таком деле мы без нее не справимся и все завалим. Предложила Манефу в качестве Арины Родионовны. Ты как, согласна?

– Ну что, дети с Манефой останутся – это плюс, а вот Лера – это вопрос.

– Да брось, Валь. Может, она нам очень пригодится. Актриса все-таки. – Чувствовалось, что девушка очень хочет прищучить неверного мужа подруги.

– Хорошо. Ждите я позвоню. Как только Костик уйдет, мы следом на такси. Будем действовать оперативно. Да, и скажи нашей Мерлин Монро, чтобы оделась не вызывающе, без красных шляпок.

Костик с Соней вернулись к обеду. Девочка захлеб рассказывала матери про маленького жирафа, который оказался

вовсе не маленьким, но очень смешным. Он все время вытягивал шею и любопытничал.

– Прямо как ты, – сказала Валя.

– А мама жирафика отгоняла от решетки, не разрешала брать конфеты.

– Все мамы одинаковы, учат своих детей не брать у посторонних никаких угощений и не ходить с чужими.

– Я знаю, мама. Но жирафик был за решеткой, его никто увести не мог.

– Жирафа не мог, – в разговор вступил Костя, – а вот детям надо быть внимательными. Маму слушай, вырастешь умницей и красавицей, как она. – Костя улыбнулся.

– Валюша, спасибо за обед. Я отлучусь... – Он не успел закончить, Валентина перебила мужа:

– Опять тайны Мадридского двора. Костя, это уже не смешно. – Валя обиженно отвернулась к окну.

Костя подошел и нежно обнял жену:

– Обещаю, я недолго.

– Знаю я твое недолгое долго. – Валя стала убирать грязную посуду со стола.

Через полчаса за Костиком закрылась дверь. А еще через полчаса Валя и Соня ехали в такси к Ане. Соня была счастлива, Валентина нервно теребила шарфик, она вдруг засомневалась в правильности того, что задумала. В голову лезла всякая чушь. Но как только она увидела Аню и Леру, все сомнения улетучились разом. Женщины были настроены ре-

шительно, и эта решительность передалась и Вале.

– Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, – произнесла Анна, садясь в такси.

– Мудро. – Лера показала куда-то вверх указательным пальцем. – Девочка вырастет. А теперь обговорим детали.

При этих словах Валя недоверчиво скосила глаза на водителя. В ответ Лера беспечно махнула рукой.

– Слушайте и запоминайте. Никакой самодеятельности. В гостиницу пойду я, вы остаетесь на улице.

– Как на улице? – удивилась Валентина.

– Как на улице? – в вопросе слышалось возмущение, Анна явно желала активных действий, а их ее лишали, вот так с ходу. Она, можно сказать, готова отомстить за весь женский род, а ее на улицу.

– Объясняю для непонятливых. Кого ваш Костик знает лучше всех?

– Меня.

– Ответ правильный. Аню тоже видел не один раз.

– Правильно?

– Правильно, – ответила девушка, ей уже стал понятен замысел подруги.

– Остаюсь я, меня он видел полтора раза, в роддоме за половинку сойдет.

– И в конце концов, кто из нас актриса? Может, это мой звездный час? – Лера рассмеялась.

Таксист с интересом посмотрел в зеркало заднего вида.

– Не отвлекайтесь от дороги, молодой человек.

Машина затормозила напротив гостиницы. Красная неоновая надпись ярко горела на фоне вечернего неба.

Валентина остановилась.

– Девчонки, а может, не надо?

– Что не надо? – Лера притормозила.

– Слежка. Неправильно это. Пусть встречается с кем хочет. Он свободный человек.

– Человек он свободный, но он твой муж и отец твоего ребенка. И ты имеешь право знать правду, а правду он скрывает. Вот мы и хотим знать эту правду. – Аня хотела еще что-то добавить, но ее перебила Лера:

– Хватит дискутировать. Правильно, неправильно. Я что, зря сюда тащилась? Значит, как договорились. Я прохожу в холл, осматриваюсь. Выпиваю чашку кофе, за твой счет. – Она посмотрела на Валентину. – Если он там с женщиной, подхожу к выходу с сигаретой, если один или с мужчиной, просто крашу губы. А там решай сама, что будешь делать. Сразу убивать или до дома подождешь.

И, не дожидаясь ответа, пошла в сторону входа.

При входе ее встретил швейцар с услужливой миной на лице.

– Куда следуем, барышня? – В глазах стоял не вопрос, а сумма, которую надо дать.

Лера не удостоила его ответом и решительно прошла мимо. В холле она остановилась.

Было немногочленно, Лера стала оглядываться, Костика она заметила почти сразу. Он сидел в лобби-баре, утонув в недрах мягкого дивана, на столике чашка, напротив него мужчина лет сорока. Внешность его была довольно заурядная, белесый, сухощавый – одним словом, моль из шкафа.

Лера вспомнила, что именно такой тип проводил инструктаж труппы их театра, когда они выезжали в капиталистическую страну Финляндию на гастроли, где на каждом шагу их ожидали провокации.

Провокаций не было, никто не захотел Леру склонить к измене Родине и остаться в стане «врагов». А жаль, у «врагов» даже тогда было намного лучше.

Лера присела в ближайшее кресло и закурила, издали наблюдая за столиком, где сидели Костя с «товарищем». Судя по расслабленным позам мужчин, беседа была приятной и проходила в дружеской обстановке. Рядом с «товарищем» лежала папка, у Костика в руках тоже были какие-то бумаги.

Лера уже собралась к выходу, ища в недрах сумочки помаду, как и было условлено. Но вдруг неожиданно от стойки бара отделилась фигура, смутно кого-то напоминавшая.

С тремя рюмками, в которых плескалась коричневая жидкость, к столику, где сидели ее подопечные, направлялся... Толик.

Вот кого она совсем не ожидала увидеть, тем более в такой

обстановке Дело приобретало уже личный интерес для Леры. С Толиком ее связывала хоть и недолгая, но очень тесная, можно сказать, интимная связь.

Лера села вновь в кресло и, похоже, забыла, зачем она здесь и что за дверями гостиницы ее ждут подружки. А одна из них мучается в ожидании приговора: с кем сейчас ее муж?

Но при чем здесь чужой муж? Когда у самой Леры здесь и сейчас, возможно, любовь всей ее жизни. Нет, не зря она сегодня так сорвалась, бросив все свои дела. А были ли эти дела? Это вторично. Главное, здесь Толик, и в такой странной компании. Зачем и почему? Одни вопросы, Лера от напряжения потерла виски. Толик ей нравился, в нем было что-то необузданное, брутальное, то, что в их брате-актере только хороший режиссер вытащить на поверхность может, да и то на один эпизод, а Лере хотелось более стабильных отношений, и сейчас она решала нелегкую задачу: то ли ей легализоваться и подойти к мужчинам, изобразив неожиданную встречу, то ли вспомнить, зачем она здесь, и выполнить обещанное подругам.

Лера докурила сигарету и пошла к выходу. Здравый смысл победил. Ну зачем ей светиться перед Толиком своим знакомством с Константином. У мужчин свои дела, и, судя по участникам, самые серьезные. Надо думать, как извлечь свои дивиденды, а там две курицы топчутся, всю картину могут испортить своим появлением. Надо успокоить.

Вышла Лера как раз вовремя. Она практически столкнулась с подругами в дверях.

– Выходим, – процедила она сквозь зубы. – Ну что за нетерпение?

– Мы уже полчаса стоим выглядываем. Договорились ведь, – напористо начала Анна.

– Не полчаса, а двадцать минут.

– Ладно, хватит вам пререкаться. Видела? – В голосе Вали звучало нетерпение.

– Конечно, видела, – Лера театрально держала паузу.

– Ну? – Валя смотрела на подругу остановившимся взглядом.

– Он, конечно, не один, – тянула Лера, – и даже не вдвоем.

– Лера, не издевайся, – Аня вступилась за подругу.

– Хорошо, хотите кратко, получайте. Он с мужиком, мужик явно из чекистов, а третий – мой Толик. Толик, похоже, с чекистом, хотя сам из бандитов. Вот такая история.

– Ничего не понимаю. Какие чекисты, бандиты? Кто такой Толик?

– Вы ведь хотели кратко, я кратко и поведала.

– Ясно, что ничего не ясно, – подвела итог Аня. – Думаю, что надо ехать домой. То, что хотели, мы узнали, а остальное нам не по силам. Захочет, сам расскажет, но надеюсь, – Аня горько усмехнулась, – твой Константин не делает в тайне от тебя американское гражданство.

Валя ничего не ответила, она пребывала в состоянии глу-

бокой задумчивости. Они подошли к стоянке такси. Сев в машину, подруги увидели, что за рулем тот же водитель. Он приветствовал их радостным возгласом:

– Накрыли изменника? А как же радость победы?

– Мужчина, ваше дело везти. Вот и везите, а с остальным мы и сами разберемся, – ответила Лера.

– Да я так, разрядить обстановку, а то смотрю, идут как с похорон.

– Типун тебе на язык. – Лера отвернулась к окну, она была суеверна, и упоминание похорон ее неприятно кольнуло.

До Пестеля ехали молча. Уже прощаясь, Валя поблагодарила подруг, пообещав позвонить, как только что-то выяснится.

Они не знали, что в следующий раз судьба их сведет через три года, а обстоятельства их встречи будут намного трагичнее сегодняшней слезки за «неверным» мужем.

Глава 4

Одна тысяча девятьсот девяносто четвертый год.

– Сонька, вставай. Все проспичь. Вот ведь назвали мы тебя с папой не в бровь, а в глаз. Соня, ты и есть – соня. – Валя подняла шторы, и в комнату ворвался солнечный свет.

Скоро год как они живут в новом доме. Недалеко от залива, до города полчаса на машине. Костик захотел жить в собственном доме, а Валентина не протестовала. Она перестала удивляться переменам, произошедшим в их семье. Главное, вокруг царили покой и порядок, так, по крайней мере, казалось Валентине.

Конечно, все ей нравится не могло, особенно поздние деловые встречи и переговоры, после которых Костик приходил навеселе. Но за все в жизни надо платить. И Валентина платила тревогой, она настолько сжилась с этим чувством, что порой ей казалось, и это ее пугало, что между ними уже нет былого чувства, что все превратилось в привычку и возникало некое равнодушие между нею и Костиком.

Валентина выглянула в окно. Алексей Павлович уже стоял во дворе и протираал зеркала на машине, он отвозил и привозил Соню из школы. Валентина сразу, как только переехали за город, освоила несложное ремесло водителя и была независима в своих передвижениях. Сонька помимо школы

обычной продолжала посещать музыкальную и делала там большие успехи. Преподаватели наперебой пророчили ей великое будущее. Вот отрада для мамы и папы.

Они с Костикум не могли нарадоваться – ведь Соня была их главным проектом, а ради этого со всем можно смириться и согласиться. В конце мая должен состояться конкурс молодых дарований, если Соня на нем засветится, как говорили все вокруг, тропинка в консерваторию уже будет проложена. Валентина сладко потянулась, мечты увели ее далеко, она уже видела себя и мужа сидящими в первом ряду в престижном зале Алберт-холла.

Из состояния nirваны ее вывел голос дочери.

– Мама, я готова. – В дверях появилось само юное дарование – Соня. Хрупкое создание. Девочка-инопланетянка, с огромными, вполлица голубыми глазами и пепельного цвета косичками. Полная противоположность матери, черноволосой и крепко сложенной. Еще в детстве Валентина выглядела крупнее и взрослее своих сверстников.

Это приводило Валину свекровь в легкое недоумение, и ее вечный вопрос почти на каждом дне рождения звучал одинаково: на кого же все-таки похожа внучка? У них в роду таких светленьких и голубоглазых нет, а дальше шла пространная тирада о том, что Костику медведь на ухо при рождении наступил, а у Сонечки абсолютный слух. Напрасно Валентина пыталась свести разговор к шутке, что, мол, подме-

нили в роддоме. Свекровь с маниакальным упорством каждый раз говорила об одном и том же, дите похоже неизвестно на кого. Но Валентина-то знала, на кого похожа доченька. На ее маму. Как помнит Валя, мама была как раз и голубоглазая, и светловолосая, а певунья та еще, все соседи заслушивались на праздниках. А отец звал ее «соловушка», жаль только, что детских фотографий у мамы не сохранилось, все пропало в войну.

Валентина посмотрела на дочь, и глаза ее увлажнились, то ли воспоминания о маме, то ли собственное материнское чувство сыграло свою роль.

– Умница ты моя.

– Я сегодня у Нины Давыдовны репетирую, ты не забыла?

– Не забыла, солнышко. Я обязательно подъеду.

– А папа? Сегодня у нас генеральное прослушивание, – очень по-взрослому произнесла дочь.

– Про папу не знаю. Я точно буду. – Валентина поцеловала дочь в щеку. – Беги уже, а то Алексей Палыч скоро дырку на зеркале протрет.

Костик в десятый раз набирал номер мобильного Куприянова, трубка отзывалась длинными гудками. Вопрос надо решать срочно, уплывали большие деньги. Где его черт носит, почему не отвечает? Костику давно осточертело получать разрешения по любому поводу. Чисто формально надо было одобрить у Куприянова, все остальные действия были

за Константином и его командой, но надо было сохранять видимость участия другой стороны, так называемой крыши. Это давно стало в тягость Константину, и он искал удобный момент поговорить об этом с Куприяновым и получить большую самостоятельность. Денег всем хватит, главное, развязать руки и уйти из под жесткого контроля, эту мысль Константин вынашивал давно.

Так сложилось, что именно Куприянов предложил Костику в девяносто первом возглавить приватизацию в автопарке, обещая всяческую помощь и поддержку. Кем был Куприянов, Костик только догадывался, напрямую разговора об этом никогда не было, да и Костик придерживался поговорки «Меньше знаешь, лучше спишь», но все говорило о том, что этот тип принадлежал к силовым структурам. Ведь именно они на тот момент обладали информацией о происходящих в стране переменах, они стояли у руля и хватали все, что можно было ухватить. Чего греха таить, Костик воспользовался ситуацией, а проще говоря, он оказался в нужном месте в нужное время. Это было в девяносто первом, а сейчас на дворе катился к середине девяносто четвертый, правда, и сейчас времена оставались смутными, народ убивали только так, но у Костика не было никаких страхов и сомнений. Куприянов свое слово держал, и на бизнес Константина Терентьева никто не покушался, Константин, в свою очередь, был честен перед, так называемым партнером. Прибыль делилась пополам. Константин видел возможности рас-

ширения предприятия. Чем быстрее оснастить автопарк новыми машинами, тем больше возможностей стать на рынке перевозок самой крупной компанией, но Куприянов всячески уклонялся от прямого разговора, откладывал на завтра, на послезавтра, и так уже полгода. Костик возмущался, бeсился, но ничего не мог поде- лать. Он ждал. Ждал удобного момента, чтобы разыграть свою карту. И кажется, этот момент настал, он провернет эту сделку один и всю прибыль пустит на приобретение двух новых фур. В конце концов, он действует в общих интересах.

Валентина отправила дочь в школу, для нее наступило благодатное время, когда можно спокойно по-созерцать пейзаж за окном, неторопливо выпить чашку кофе. Просто подумать. К хорошему быстро привыкаешь, вот и Валя привыкла к размеренному ходу своей жизни.

За окном всю хозяйничала весна. Вот-вот распустится сирень. Валентина любила заниматься цветами и всем, что цвело и благоухало. Конечно, картошку они не сажали, но фруктовый сад, по ее настоянию, они заложили. И сейчас все это радовало и приносило свои плоды в прямом и переносном смысле. На столике возле дивана запиликал телефон, Валентина не сразу сообразила, откуда и где, к этой новинке она еще не привыкла. Мобильный телефон появился вместе с машиной, только при таких условиях Костя разрешил ей сесть за руль.

«Ты всегда должна быть на связи, и у тебя всегда есть звонок другу, так, на всякий случай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.